

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Январь 2010 г.

№ 1 (25)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Здание гробницы царя Давида (г. Иерусалим). Фото Сергея Назаренко, г. Арсеньев

Сегодня в номере:

Геннадий БОГДАНОВ.
Вдохновенье выдоха и вдоха
(Литературный путеводитель) 4

Владимир ТЫЦКИХ.
Как мы мгновенны на свете!
(Готовится к печати) 6

Григорий РЕЙНГОЛЬД
Короткие рассказы о войне
(К 65-летию Великой Победы) 12

Михаил НОЖКИН.
Время Русь собирать
(Поэзия) 14

Александр ЕГОРОВ.
Тусклое солнце
над русской равниной
(Поэзия) 15

Вера ГУНДАРЕВА.
Запечатлится сердце
(Поэзия) 17

Василий АВЧЕНКО.
Владивосток–Липки–Владивосток
(Событие) 22

Николай ЧАЙКА.
«Бородинское поле»
(Лауреат) 26

Сергей ЮДИНЦЕВ.
Записки постороннего
(Дискуссионный клуб) 28

Дорогие наши авторы и читатели!

Вы держите в руках первый в 2010-м году номер «Литературного меридиана». Чуть позже – листая страницы ежемесячника по мере прочтения – вы убедитесь в очередной раз, что наше издание – отнюдь не застывшая субстанция. Мы развиваемся, растём. С января нового года изменился формат подачи материалов, внешний вид страниц «ЛитМ». Мы предлагаем вашему вниманию новые рубрики, например, вместе с автором статьи «Размышления у парадного подъезда...» Сергеем Юдинцевым приглашаем к диалогу о литературном процессе, об ответственности писателя перед читателем, о месте писателя в обществе.

В рубрике «Классика» редколлегия планирует публикации широко известных в мире авторов – российских и зарубежных.

Надеюсь, не останется без вашего пристального внимания, уважаемые авторы, конкурс «ШУМИТ ВОЛНА, ЗВЕНИТ СТРУНА...», объявленный редакцией «ЛитМ» в прошлом году. Присылайте свои произведения!

Верится, новшества придутся по душе читателям и авторам «Литературного меридиана». Но позвольте несколько слов о наблевшем – игнорировании отдельными подписчиками уже набившего оскомину обращения-просьбы редакции – хочется ещё раз обратить внимание рассеянных авторов на выходные данные ежемесячника, в которых, кроме прочего, недвусмысленно говорится: **рукописи не рецензируются и не возвращаются; редакция имеет право отказать в публикации.** «Литмеридиан» никто не финансирует со стороны. Собранные авторами и членами редколлегии средства используются исключительно на тиражирование ежемесячника, на почтовую рассылку газеты авторам. Мы не имеем возможности по несколько раз пересылать авторам их материалы. Поэтому – будьте добры, – отправляя свои произведения в редакцию, оставляйте у себя копию написанного.

Чтобы стать читателем «Литературного меридиана», необходимо оформить подписку на него. Чтобы стать автором нашего ежемесячника, помимо оформления подписного абонемента, нужно обладать талантом. Поэтому требования к материалам, присылаемым на предмет публикации, будут только возрастать.

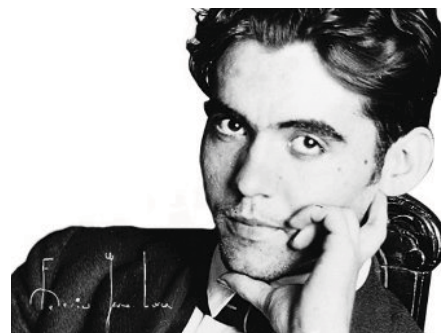
Мы не публикуем за деньги всех желающих. Мы помогаем одарённым литераторам найти своего читателя, а читателю мы стараемся подарить радость встречи с добротными произведениями. Такова цель создания «Литературного меридиана». Давайте не забывать об этом ни при каких условиях.

Владимир Костылев

Федерико Гарсиа Лорка

По материалам сайта ЛЮДИ (<http://www.peoples.ru>)

Лорка родился 5 июня 1898 г. в городке Фуэнте-Вакерос в испанской провинции Гранада. В 1909 г. семья переехала в Гранаду. В 1910-х Федерико активно участвовал в жизни местного художественного сообщества. В 1914 году Лорка начал изучать право, философию и литературу в университете Гранады. В 1918 г. у Лорки выходит первый поэтический сборник «Впечатления и пейзажи», принесший известность.

В 1919 г. Гарсиа Лорка приезжает в Мадрид. В столичном университете он знакомится с Сальвадором Дали и Луисом Буньюэлем, а также с Григорио Мартинасом Сьеррой, директором театра «Эслава». По просьбе Сьерры Лорка пишет свою первую пьесу «Колдовство бабочки» и осуществляет ее постановку. До 1928 года он учится в мадридском университете.

В последующие годы Гарсиа Лорка становится заметной фигурой среди художников-авангардистов. У него выходят новые поэтические сборники, включая «Цыганские романсеро» (1928). В этих стихах поэт, по его собственным словам, «хотел слить цыганскую мифологию со всей сегодняшней обыденностью».

Через год Гарсиа Лорка уезжает в Нью-Йорк, в результате чего вскоре появляются новые произведения — книга стихов «Поэт в Нью-Йорке» (1931), пьесы «Публика» (1931, 1936) и «Когда пройдет пять лет» (1931).

Возвращение поэта в Испанию совпало с падением режима Примо де Риверы и установлением республики. В 1931 году Гарсиа Лорку назначают директором студенческого театра La Barraca. Работая в театре, Лорка создает свои самые известные пьесы «Кровавая свадьба», «Йерма» и «Дом Бернарды Альбы».

Перед началом гражданской войны Гарсиа Лорка уезжает из Мадрида в Гранаду, хотя было очевидно, что там его ждет серьезная опасность: на юге Испании были особенно сильны позиции правых. 18 августа 1936 г. националисты арестовывают Гарсиа Лорку и на следующий день поэта убивают как республиканца и коммуниста. После этого до смерти генерала Франко книги Гарсиа Лорки были запрещены в Испании.

Произведения Гарсиа Лорки переведены на многие языки, в том числе русский.

В КАФЕ

В зеленых глубинах зеркала
лампы мерцают устало.

На темном помосте,
одна, в глубине
застывшего зала,
хочет со смертью
вести разговор

Паррала.
Зовет.
Но та не являет лица.
Зовет ее снова.
Сердца,
сердца сотрясают рыдания.
А в зеркалах, зеленея,
колеблются шлейфов шелка,
как змеи.

ДОРОГА

Едут сто конных в черном,
головы опустив,
по небесам, простертым
в тени олив.

Им ни с Севильей,
ни с Кордовой
встреча не суждена,
да и с Гранадой, что с морем
разлучена.

Сонно несут их кони,
словно не чуя нош,
в город крестов, где песню
бросает в дрожь.

Семь смертоносных криков
всем им пронзили грудь.
По небесам упавшим
лежит их путь.

ЛУЧИ

Все вокруг – раскрытый веер.
Брат, открой свои объятия.
Бог – лишь точка впереди.

ПОСТУПЬ СИГИРИИ

Бьется о смуглые плечи
бабочек черная стая.
Белые змеи тумана
след заматают.

И небо земное
над млечной землей.

Идет она пленницей ритма,
который настичь невозможно,
с тоскою в серебряном сердце,
с кинжалом
в серебряных ножнах.

Куда ты несешь, сигирийя,
агонию певчего тела?
Какой ты луне завещала
печаль олеандров и мела?

И небо земное
над млечной землей.

ВОПРОСЫ

Сидят на лужайке
кузнечики чинно.
– Что скажешь ты,
Марк Аврелий,
об этих философах
с тихой равнины?
Мысли твои не созрели!

Река по равнине узоры чертит.
– Скажи мне, Сократ, что смог
увидеть ты в водах,
несущихся к смерти?
Твой символ веры убог!

Осыпались розы
и в грязь упали.
– Скажи мне, святой Хуан,
о чем лепестки их
тебе шептали?
В сердце твоём – туман!

ВДОХНОВЕНЬЕ ВЫДОХА И ВДОХА

(о стихах Александра Кабанова)

Геннадий БОГДАНОВ

Зима. Город, как огромный айсберг, дрейфует в океане времени. Дома нахлобучили белые снеговые шапки, черные руки деревьев тянутся вверх, пытаюсь заслонить улицы от ветра. На душе зябко и как-то щемяще-тоскливо. И хотелось бы радостно встретить начало Рождественского поста, да не получается – сказывается суета навалившихся за неделю дел.

Но сегодня суббота и надо дать передышку задёрганым нервам и усталому телу. Самое время, заварив покрепче чай, пофилософствовать «о времени и о себе». А собственно, почему бы и нет? Тем более что никто меня никуда не приглашал, билетов на очередную премьеру в театр я не покупал...

Но не менее увлекательная и полезная для души встреча может произойти здесь и сейчас, стоит только подойти к книжной полке и взять с неё, к примеру, подаренный недавно том стихов Андрея Вознесенского «Тмать».

А если заглянуть на антресоль, то можно найти папку со стихами интереснейшего поэта Александра Кабанова. Моя первая встреча с ним произошла несколько лет назад и довольно-таки странно. Так же, как и сейчас, я сидел на кухне и пил чай, краем уха слушая бормотание радиоприёмника. И вдруг диктор заговорил о поэзии. Прозвучало имя – Александр Кабанов, несколько слов о нём, а затем всего одно стихотворение о какой-то коробке, которая стояла на камине, и что, кроме египетской тьмы, в ней лежала масса интересных вещей. Вот и всё, что я смог запомнить из этой первой встречи с творчеством автора пустячного, на первый взгляд, стихотворения. И всё же мой натренированный слух уловил нечто такое, что заставило меня пуститься на поиски его книг.

В Хабаровске о Кабанове ничего не знали. Я забросал письмами своих московских друзей. Поиски сборников стихов Кабанова по книжным магазинам Москвы не увенчались успехом. Только спустя несколько месяцев, после моих вежливых прошений, пришла из Первопрестольной компьютерная распечатка сорока четырёх стихотворений этого резкого эстета изящной словесности. Перечитав на одном дыхании все 44 стихотворения, я, к сожалению, не нашёл в подборке того заветного, про коробку на камине с египетской тьмой, но впечатление от прочитанного было неоднозначным:

...Душа моя, тебе не хватит духа:
темным-темно, и музыка – взащей,
но в этом положении вещей
есть ностальгия зрения и слуха!

Это концовка первого стихотворения, некоего диптиха под заглавием «Мосты». Что здесь впечатляет? Что, собственно, такого особенного в этих четырёх строках? А вот оно, вернее, она – музыка, которая «взащей»! Не так-то прост Кабанов – его протест не гражданский и даже не личностный, а сугубо эстетический. Его поэзия может приниматься читателем или нет, напрягать или расслаблять, но не должна оставить безучастным. Язык для Кабанова – сперва игра и цель, и только потом средство. Язык точен, логичен и стихийен:

Мы все одни. И нам ещё не скоро –
усталый снег полозьями елозить.
Колокола Успенского собора
облизывают губы на морозе.
Тишайший день, а нам ещё не светит
впрягать собак и мчаться до оврага...
Вселенские, детдомовские дети,
Мы – все одни. Мы все – одна ватага.
О санки, нежно смазанные жиром
домашних птиц, украденных в Сочельник!
Позволь прижаться льготным пассажиром
к твоей спине, сопливый соплеменник!
Овраг – мне друг, но истина – в валюте
Свалывшейся, насиженной метели...
Мы одиноки потому, что в люди
другие звери выйти не успели.
Колокола, небесные подранки,
лакают облака. Ещё не скоро –
на плечи брать зарёванные санки
и приходиться к Успенскому собору...

Ну как вам «зарёванные санки»? Лично меня цепляет. Кабанову важно пробить стену бытового восприятия, достучаться до читателя, но на это отпущено мало времени – стихотворение – короткая форма.

Порой Кабанов груб и почти саморазрушителен: «Мне снились скотобойни: младенцы на крюках...». Я – читатель – не хочу, чтобы в меня вторгались эти картины. Я – читатель, тоже, как и поэт, отстаиваю свой мир, мой мир должен быть уютным и безопасным. Я хочу пить чай и, сидя в мягком кресле, читать стихи про Болдинскую осень. Но Кабанов не спросил, чего я хочу, он просто взял и ткнул меня носом в кровавую картину своего ночного кошмара. Мне – это не нужно. Нужно ли это Кабанову – я не знаю.

Но есть и другой Кабанов – нежный, напевный, ходящий на цыпочках между любимых цыпочек, доверчивый и незащищённый. Такой Кабанов мне ближе. Так или иначе, Александр Кабанов – поэт виртуозный и очень сегодняшний. Его разговор с читателем прямой и без установленной дистанции:

Вдохновенье выдоха и вдоха,
привкус флейты в воздухе ночном.
Шепотом придумаешь эпоху –
ну о чём с ней говорить, о чём?
Чтоб весною мысли черновые,
птичьи гнёзда, словно узелки,
завязать на связки горловые
и не вспомнить. Ни одной строки!
Чтоб чернильным крестиком сирени –
не перечеркнуть – перекрестить
Женщину своих стихотворений,
Женщину, способную простить.
Потому, что мне сегодня плохо,
милая, родная наизусть! –
я могу придумывать эпоху,
а тебя – никак не научусь...
Этих губ доверчивую алость
надобно бессмертьем наказать!
Если б в сердце что-нибудь сломалось,
так сломалось – что не досказать...

А вот ещё одно стихотворение, которое не оставит равнодушным самого предвзятого любителя лирики и строгого ревнителя Муз. Метафора Кабанова не только ярка и образна, она словосольна и ошеломительна.

И жизнь прошла, и смерти не осталось,
и поровну нам нечего делить.
Лишь ветреная девочка – усталость
советует по чарочке налить.
Друзья мои, мне стыдно перед вами –
за вас и за свою белиберду.
Лишь пахнет тишиной и соловьями
бульдозер в Ботаническом саду...
Три круга ада – школьные тетради
вместить сумели в клеточки свои.
Дешевле яда или Бога ради –
моя любовь и эти соловьи?
И эта ночь, впряжённая в телегу
скрипучего, еврейского двора,
когда звезду в преддверии ночлега,
как лампочку, выкручивать пора.
О, сколько междометий пролисталось!
где запятая – там и вороньё...
А жизнь – прошла, и смерти не осталось,
и смерти не осталось у неё...

...Что ж, думаю, встреча с прекрасным состоялась. Чай мой давно остыл, а за окном сгустились сумерки. Вот-вот вспыхнут жёлтые уличные фонари...

Рисунок В. Шутого

...КАК МЫ МГНОВЕННЫ НА СВЕТЕ!

От редакции

Мы рады представить читателям «Литературного меридиана» материалы из готовящегося к выходу в свет дальневосточного альманаха «Сихотэ-Алинь».

Владимир ТЫЦКИХ

Потом, на обратном пути из Норильска, мы снова заехали к нему. Но этот разговор состоялся в Красноярске раньше – одну, а то и две недели назад, 11 февраля 1989 года. Впрочем, называть это разговором не совсем верно, тут вышел, конечно, другой жанр. Я задавал (не обязательно формальные, не «под протокол», как тогда ещё было принято в нашей официальной журналистике) вопросы; Саша Яковец, друг и попутчик из Владивостока, стрелял фотообъективом. Из всего этого в итоге получилось чуть не на полный разворот интервью, опубликованное в двух номерах газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта», впоследствии перепечатанное журналом «Дальний Восток».

У беседы были (и сейчас ощущаю очень отчётливо) свой запах, свой вкус и своя температура.

Прошло двадцать лет. (Юбилей! Может быть юбилей у встречи, у беседы с человеком? А если этот человек – большой русский писатель, если эта беседа с Виктором Астафьевым?..) Да, прошло двадцать лет, но я не могу избавиться от её завораживающей и, вместе, какой-то суровой притягательности. Поэтому, имея, конечно, возможность обойтись цитатой покороче, даже не пытаюсь этого делать...

– Почта, наверное, большая? – спросил я у Виктора Петровича. И дальше разговор двигался так:

« – Ужасно, ужасно. Особенно сейчас, когда расписались. Ладно уж очень интеллигентный человек пришлёт письмо: мол, стараюсь коротенько, чтобы не отнимать времени, и, пожалуйста, не пишите ответ. Но это – единицы.

А так...

– Надо думать, и литературная молодёжь докучает, по семинарам приходится ездить?..

– Я давно не езжу.

– Но как-то приходится порослью молодой заниматься? Бывает, что кто-то где-то проклюнется, как алмаз из пепла?..

– Есть, есть. Всё-таки я всю жизнь этим занимаюсь, но уже не на семинарах... я пытался, конечно, многих поддерживать, но сейчас выбираю одного-двух, трёх человек от силы, чтобы постоянно, последовательно «вести» их. Вот только что Серёже Задерееву билет вручили. Я хоть, как секретарь, и не имею права давать рекомендации, но тем не менее дал, и тем не менее прошло три года, пока ему вручили билет. Есть поэтесса, рабочий человек из Норильска – очень сложного, трагического внутреннего содержания, её молодой-то не назовёшь. Я давал ей доброго пути в «Литературной газете» в прошлом году. Только что отправил сборник и несколько подборок – в том

числе в нашу молодёжную газету – Лиры Абдуллиной – наша, красноярская, правда, она на Белгородчине потом жила, умерла. Посмертный сборник – всего третий у неё. Неподдельное просто ощущение смерти, трагизма...

Женские стихи сейчас наиболее значительны... Я бы сказал: они мужественные и упругие, и с ощущением какой-то внутренней тревоги...

...в Московской организации одной Ахмадулиной хватит, чтобы встревожиться живущим, если читать её внимательно. Она там в жизни такая, может быть, любая, но, в общем, она последовательна в своих стихах совершенно. Она держит свою песню: как начала её, так она и идёт – всё с нарастающей, с нарастающей тревогой, с нарастающим грузом какого-то внутреннего несчастья...

– Вопрос мой был, в общем-то, без привязки к жанру – о литературе, об отношении к молодым вообще. А вы заговорили почти исключительно о поэзии, хотя сам – прозаик. И, отвечая где-то на вопрос о самом любимом произведении советской литературы, вы назвали опять же поэтическое произведение – поэму Фёдоровой «Проданная Венера». Типичный путь многих писателей – от стихов к прозе. Однако со временем прозаики не особенно интересуются поэзией. Вы, наверное, в этом смысле исключение: и стихов не писали...

– Нет, писал, писал. Почти все прозаики потихоньку или писали, или пишут стихи – или во сне, или наяву. Это почти всегда бывает так. Но у меня ещё одна особенность. Мне очень тяжело стало читать, и раньше-то тяжело читал, особенно толстые книги, а в поэзии как-то сконцентрировано время. Потом, очень люблю просто читать, даже не знаю, чем это вызвано, стихи, перечитывать люблю, вспоминать, цитировать люблю в своих вещах песни, стихи.

– Значит, тут вы тоже не исключение, тоже стихами занимались когда-то?

– Да, плохие стихи в детстве писал...

– А исключение в том отношении, что сохранили интерес к чужому жанру, чужому творчеству, в отличие от очень многих наших литераторов?

– Да нет, наши читают очень много, настоящие-то, культурные люди, которых я знаю, они всегда, конечно, поэзию хорошо знали... Допустим, наш друг дома, земляк Марии Семёновны (жена В.П. Астафьева – В.Т.), критик Курбатов прекрасно знает поэзию, пишет о ней, хотя по направлению работы интересуется в первую очередь прозой. Нет, нет, как правило, пишущие поэзию хорошо знают».

Что ж теперь спорить с Виктором Петровичем, и кроме нас желающие найдутся, и даже, не исключено, будет их немало, желающих-то поспорить с ушедшим великаном. У нас для такого благородного дела во всякую пору выстраивались в полном боевом снаряжении полки и дивизии молодых и молодящихся, успевающих за временем, **решителей** (слово от Александра Пушкина – В.Т.). А теперь, кажется, их надуло ветрами перемен изо всех щелей столько, что не выветришь никак, хоть все окна-двери настезь, а хоть бы и стены обрушь – будут свистеть с четырёх сторон, особенно с западной!..

Почему так, правильно это или неправильно? – вопрос, понятно, не пустой, но и тогда был он для меня «во-вторых», а во-первых хотелось знать: **как** думает и **что** скажет Астафьев?

Однако насчёт прозаиков, читающих стихи, были сомнения, постепенно перешедшие в уверенность: *писателя* наши – во множестве – и себя-то не читают, а то бы устыдились и поменяли профессию.

Но и опять с Виктором Петровичем спорить не приходится. Он-то имел в виду не просто членов союза (особенно членов нынешних – их, таких, тогда всё-таки было меньше и как-то они себя потише вели), а писателей **культурных, настоящих, наших**.

Что было совсем неожиданно и дорого узнать: во глубине России, в провинции, откуда родом большинство из нас, «простых советских (тогда) граждан», пересеклись судьбы двух могучих русских талантов – Виктора Астафьева и Валентина Курбатова! Пусть не первый (только дурак возьмёт на себя наглость в нашей литературной Отчизне определять – ещё при жизни писателей, – кто из них первее!), но один из немногих (три? пять на всю огромную страну?!) лучших прозаиков. Пусть не первый, но из самых лучших (их – **настоящих наших** – вообще мало!) литературных критиков Советского Союза!..

Астафьева и Курбатова, по определению Геннадия Сапронова, будущего их издателя, в 2002 году выпустившего в Иркутске «*может быть, последний русский эпистолярный роман*» – книгу писательских писем, собиравшихся без малого три десятка лет, связывала «*верная и нежная дружба*». Похоже, сибиряк Сапронов, когда узнал о примечательном уральском эпизоде в биографиях того и другого, так же, как я в 1989 году, навсегда удивился и обрадовался этому.

В предисловии к книге «Крест бесконечный» Геннадий Сапронов пишет: «*Они были связаны не только творчески, но, как оказалось, и географически – один провёл в послевоенном Чусовом детские, а другой, волею судьбы, – молодые годы. В этом вечно задымленном, почерневшем от сажи городке старшеклассник Курбатов впервые увидел на школьном вечере живого писателя, у которого все творческие тяготы, как и общенародное признание, были ещё впереди. Спустя полвека в этом же, мало чем изменившемся, городе 29 ноября 2001 года на выдающегося литературного критика Курбатова невыносимой тяжестью обрушилась весть о кончине великого русского писателя Астафьева*».

Валентин Яковлевич одной своей причастностью к человеческой и творческой судьбе Виктора Петровича

на вечные веки вошёл в отечественную литературную критику. Не в историю критики, не в историю – даже – в целом литературы, а именно в критику – как живой и непрерывный процесс рождения художественного слова, связывающего все поколения и все времена.

А ведь были ещё другие – много-много других, среди которых и настоящие глыбы – например, Гейченко или, например, Пришвин... В октябре 1981-го критик пишет из Пскова о своей, надо полагать, недавней поездке в дом творчества, в знаменитый Коктебель, где он, конечно же, любовался южными красотами, когда «утомлённое солнце нежно с морем прощалось», но и успевал, в самом деле, потрудиться творчески: «*Дорогой Виктор Петрович! Мой Коктебель был беден. Не свёл знакомства ни с одним из тамошних обитателей, но был вознаграждён морем, долгими скитаниями в окрестных горах и долинах, ночными купаниями в бенгальской фосфоресцирующей воде, рисованием да неторопливой работой над Пришвиным, который медленно сдвинулся с места. Но пошёл пока, правда, в сторону хлопотную для издательства, в какой-то хлыстовский марксизм, нищезанятство и Бог весть во что ещё*».

Удивительно! – при непрерывной, напряжённой, самоотверженной творческой работе – Курбатов никогда не был кабинетным затворником, не терял отзывчивости, не заслонялся от жизни, не отводил взгляда и от её изнанки.

Следующий абзац того же письма: «*Там получил приглашение на выставку Поздеева. Были ли Вы на ней? Какова она была и как прошла? Меня судьба занесла в Москве на осеннюю выставку нынешних передовых – такого стыда, бедности и какой-то разбойной глупости я не видал давно. Сиротский приют, а не выставка. Безотцовщина. И жалко их всех. Все ходят тут же – гордецы, хваты, молодец к молодцу. Бедняги!*»...

А ведь у Валентина Яковлевича есть ещё один герой, ещё один гигант (друг, соратник, тёзка), которого – опять же и одного – хватило бы на целую писательскую судьбу критика Курбатова. С ним, Валентином Григорьевичем Распутиным, Курбатов только что, вот этим летом, встречался при не самых, увы, весёлых обстоятельствах, о чём пишет во Владивосток 15 июля 2009 г.: «*Три дня назад я воротился с Байкала, из Иркутска и из долгой экспедиции по Ангаре, спускались с Распутиным и съёмочной группой по зоне затопления Богучанской ГЭС – насмотрелись слёз, наслушались плачей, навидались горя и смерти. Каменным должно быть сердце, чтобы видеть это без страшной сердечной боли. Но Дерипаске нужна электроэнергия, чтобы торговать ею с Китаем, и что может остановить разгулявшиеся деньги...*».

Поездку организовал Геннадий Сапронов. Делились раздумьями, составляли планы, на что-то надеялись...

Почти сразу после поездки Сапронова не стало. Молодого, совсем ещё молодого...

«*И это, – пишет Валентин Яковлевич, – тоже Богучанская ГЭС, её страшная жертва. Сытое зло разгулялось*». И приводит слова другого Валентина: «*Или мы, или они...*»...

Крест бесконечный! Какой же груз принял на себя этот человек, брат наш, чья совесть болит за всех нас, за всех

детей и внуков-правнуков наших! Так и герои его, они же друзья его сердечные. Это ими печалится, страдает земля русская, ими премного грешный народ наш, уже, кажется, досмертно ослабевший перед лицом неизбитых бед, оправдывается перед Богом, замаливая грехи свои и обретая силы жить дальше...

Литературная критика – штука неблагодарная к своим творцам-создателям. Они там кого-то хвалят-ругают, а сами... Вот то-то и оно.

Семидесятилетие выдающегося, во многих смыслах уникального критика Валентина Курбатова «Литературная газета» обозначила небольшой заметкой Виктора Лихоносова «Без красоты – не жизнь». Вот она вся, та заметка: «Валентин Курбатов влюблен в красоту русского слова, в эстетику лёгкого, изящного стиля. Он любит стиль, подчёркивая необходимость говорить, писать легко и «красиво». Многие в наше время забыли об эстетике, а Курбатов счастлив беречь её раз и навсегда. Живёт Валентин Яковлевич в Пскове, часто навещает Пушкина в Михайловском, его «милых собеседниц» в Тригорском и, читая курбатовские строки, я опять слышу его вкрадчивый голос: «Жизнь, господа, это красота, литература – это красота, радость земная – в ощущении вечной красоты вокруг». Он подарил мне книгу «Перед вечером» – я её часто перечитываю... Желаю Валентину Курбатову и дальше пребывать в полыхании вечной красоты, без которой он жить не может».

Эх, написать бы всё, что думается про Валентина Яковлевича, чего он, конечно, сто раз заслужил! Да ведь это – книга выйдет, да и не маленькая, а про критиков, что ж, про критиков как-то не шибко принято, это критики про нас должны писать, а мы уж как-нибудь отчитаемся Лихоносовым... И то правда – он хорошо сказал про юбиляра. Не всё, ясное дело (а кто про кого – всё?), может, и не главное самое, но – хорошо.

Впрочем, вот и ещё подошёл свежий номер – на этот раз «Литературной России» – со статьёй о нашем герое. Алина Чадаева – «Неизвестный Курбатов». Это уже работа основательная – на всю страницу с переливом целой колонки на следующую. А прочёл – «неизвестный Курбатов» так и остаётся неизвестным. Слишком велика фигура...

Во Владивостоке сейчас нельзя не вспомнить вот о чём. Валентин Яковлевич в последние год-два как-то потихоньку вгляделся и в наши дали, в наши – немножко – дальневосточные литературные дела. Это, слов нет, дорогого стоит и, наверное (очень бы хотелось), о чём-то свидетельствует. О том, допустим, что она, литература, у нас всё ж таки есть, и раз так, есть, значит, и приличные писатели...

Письмо из Пскова, от критика Курбатова – в Арсеньев, Костылеву, редактору ежемесячника «Литературный меридиан»:

«Может, так, не ведая друг друга, а только слыша, мы и перебрёдем безумие века, тонко рассчитавшее, что заткнут горло литературе и только этих русских и видели. А мы вот возьмём и не заткнёмся, и назло им не уйдём в немоту интернета, где вроде кричи чего хочешь, да от тебя ни следа, хоть считай свои «посещения» тысячами. Иллюзия и сон. А бумага и бедная – всё документ сопро-

тивления, всё свидетельство: мы жили, и мы не теряли себя».

Поздравляя Валентина Яковлевича с семидесятилетием, я подивился совпадению: в нынешнем году исполняется 100 лет Павлу Николаевичу Васильеву, 80 – Василию Макаровичу Шукшину, не говоря уже о 60-летию нашего Вячеслава Васильевича Протасова, 55-летию Юрия Николаевича Кабанкова, 30-летию Василины Орловой... О наших земляках Валентин Яковлевич ко времени сказал ободряющее слово. О Павле Васильеве горько заметил: «...был в русской поэзии великий поэт, торопливо и жадно забытый». Очень точно! Васильева и у нас плохо и мало знают. А ведь он, приехавший сюда из Павлодара шестнадцатилетним паренёком, именно во Владивостоке впервые напечатал свои стихи...

Попросил Валентина Яковлевича прислать что-нибудь для этого номера «Сихотэ-Алиня». В ответ приходит: «...ещё с лета теснятся старые заказы и каждый безотлагателен. Поэтому простите, что пригложусь в другой раз, а в этот номер нет. А вот лучше смущу вас своими дачными «заметками фенолога», как я их обычно аттестую. Вечера долги и «чего в мой дремлющий тогда не входит ум...» Написать как перекреститься на ночь. Вроде как сказать «Спасибо, Господи, за миновавший день».

Вот так раз! Через двадцать лет (всё-таки юбилей или не юбилей?) после удивления в красноярском Академгородке у Виктора Петровича Астафьева вновь удивляюсь Валентину Яковлевичу!

Поэт Валентин Курбатов! Возможно, а то и наверняка, где-то кому-то в этом нет ничего необычного. А для меня – такое неожиданное открытие! И, думаю, многие читатели воспримут эту публикацию как маленькое чудо.

Нет, недаром сказано: если человек талантлив, то талантлив во всём. Ещё встречаются такие разносторонние люди, что трудно не удивиться: как они всё успевают? А вот успевают же, слава Богу! Нет, нет – недаром Алина Чадаева, говоря о Курбатове, вспоминает самого Михайлу Ломоносова!..

Для всех, кто почитает поэзию, для любителей проникновенной литературной критики и эссеистики, уважающих подлинно изящную словесность, когда слово не просто звучит, красиво и точно попадая в суть невыразимых человеческих чувств, в смыслы жизни и тайны смерти, но само становится этими чувствами, этими смыслами и этими тайнами; для всех, кто способен слышать само дыхание русской речи, чувствовать, как она роскошествует (термин, кажется, от гениального Павла Васильева) – то есть для всех, кто понимает место, принадлежащее в отечественной культуре Валентину Яковлевичу Курбатову, кто угадал его значение для великой нашей литературы, всякое слово замечательного писателя из города Пскова – насквозь родное и неподдельно волнующее. Тем более – слово поэтическое.

Этот выпуск «Сихотэ-Алиня» уже из-за присутствия в нём поэтической подборки Валентина Курбатова есть подарок и праздник для души каждого нашего читателя.

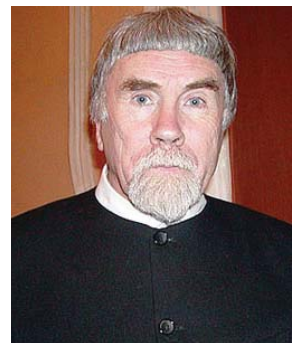
**...Как мы мгновенны на свете!
Жизнь посидим на дорожку...**

Посидим и – почитаем.

И острее печаль ускользающих дней...

Валентин КУРБАТОВ

* * *

Господи, как же мы молоды!
Ты еще пишешь стихи,
Словно и не было холода
Той мировой чепухи,
Что прозывалась историей
И поглотила и нас.

Впрочем, мы с ней
и не спорили,
Прожили, как напоказ,

Будто не Богу, а дружеству
Нам отвечать впереди...
Что ж, улыбнётся от ужаса,
Милый мой, не бреди
Душу стихами о юности
Нежной,
как в утреннем дыме...

Нет, не к лицу нам
угрюмости –
Нам и уйти молодыми.

* * *

Спрячь меня, яблоня,
спрячь, моя милая,
Спрячь от себя
и от грусти нечаянной!
Мне тяжела эта нота унылая...
Счастья хочу
и хочу так отчаянно,
Словно и не было света
минувшего,
Лет молодых, и любви,
и смятения,
Не было дела,
как хлеба насущного,
Не было радости
и вдохновения...

Но ведь неправда –
я знал наслаждение
Силы земной
и восторга небесного!

Что же ты, старость,
торопишь падение
В бездну тоски
и исхода известного?
Спрячь меня, яблоня,
спрячь моя милая,
Спрячь...

* * *

Ветер вдруг изнемог,
Словно за день устал,
Ну и я, видит Бог,
Что-то духом упал.
Вечер нежен и тих,
Как Никитина стих
(Помнишь: «чуткий камыш»
С нежною рифмою «тишь»)
А душа-то слепа...
Что ей вечера мир?
В ней своя суета,
Свой уездный трактир...
Всё куда-то бежит,
Всё кого-то зовет.
Как давно мне претит
Этот глупый полёт.
Всяк из нас сам себе
Не хозяин, увы,
И, не сдашься судьбе, –
Не сносить головы!
А поди ты – тоска,
И тревога, и боль.
Гробовая доска
Впереди, милый мой.
А ты все про зарю,
Про покой и любовь.
Сдайся, брат, говорю, –
Остуди свою кровь!

* * *

Тишина, тишине, тишины...
Ах, немного бы сердцу покоя
И такие бы виделись сны –
Незабудки, фиалки, левкой...

А покоя-то в сердце и нет.
Сны прекрасные
смотрят другие...
Что ж, тянись
бесконечный рассвет –
Сныть, крапива
да лютики злые.

* * *

Как синееют эти воды!
Зеленеет этот луг!
Нежный обморок свободы
Обнимает сердце вдруг.

Отчего же, Боже правый,
(Я живу здесь тыщу лет)
Так мне новы эти травы,
Этой яблони привет,

Этот вечер, это небо,
Этой ласточки полет?
Знание, ум, привычка, где вы?
Кто меня убережет

От пронзительной печали,
От любви и маяты?
Жизнь – к концу, а я в – начале,
Перед мукой красоты.

* * *

Поднимаю глаза
в одинокой ночи –
Чуть заметно окно
проступает...
Рано, Господи,
в мире еще ни души,
И опять засыпаю...

Поднимаю глаза
через час или два –
Чуть заметно окно
проступает...

Ночь недвижна –
                                жива ли? Мертва?
Сердце жалит иголка тупая.
Через час, через день,
                                через несколько лет –
Чуть заметно окно проступает.
Это вечность стоит.
                                В мире времени нет...
Боже мой! Наконец-то!
  Светает!

* * *

Мир еще молод и свеж!
Мир еще нежен и тонок!
Только на нем и одежд –
Ласковый воздух пелёнок.
Почки так жадно туги,
Птицы орут так счастливо.
Волей Господней руки
Лепится новое диво
Тысяча первой весны,
Тысяча первого лета.
Господи, не закосни,
Не угаси сего света!
Жизнь уже вся прожита.
Сбилась кукушка со счета.
Вон горизонта черта –
А уходит неохота.

* * *

Ходит гром вдалеке,
                                как дитя неразумен, –
Что уронит, а что подберёт.
Солнце гонит его,
                                как монаха игумен,
А ему хоть бы что!
                                Он своё – поперёк!
Погремит, затаится
                                и снова бабахнет –
Забавляется парень –
                                играет в войну!
Но, смотри-ка, добился –
                                уж дождиком пахнет...
Вот и туча! И ливень! Гроза!
  Ну и ну!

* * *

Петь, наверное,
                                можно одну тишину.
Бури слишком эффектны
  и дики.
Тишина в сердце
                                долгую держит волну,
Всякий раз задевает
  иную струну
И являет душе ее новые лики.

В ней покой, волшебство,
                                в ней вопрос и ответ,
В ней тревога небесного зова.
Вот сейчас назовешь ее тайну –
  ан нет,
Сорвалась, чуть задела
                                крылом – и привет!
Догоняй ее снова и снова...
А уж звуков-то,
  звуков-то в ней!
Лай собаки вдали,
                                звон кузнечика нежный,
Даже кровь в тебе, кажется,
  льётся слышной,
И острее печаль
                                ускользающих дней,
И больше твоей дух
  неприлежный.
Что ж, томи, возвышай,
  искушай и буди!
Окрыляй утомлённое сердце!
Затаившейся бури
  раскат впереди.
Будь готов, веселей
  и бесстрашной гляди
И держись тишины,
  коли некуда деться!

* * *

Братец-лес и сестрица-вода,
Где найти мне для вас
  утешенье,
Когда осени встанет звезда
И ветра запоют в отдаленье?
Не печальтесь! И в осени есть
Золотое сиянье и радость,
И какая-то звонкая весть,
И последняя горькая сладость!
Братец-солнце, сестрица-луна,
Пусть зима погодит,
  не ложится,
Пока жизнь еще света полна,
Пока кровь еще так солонна
И душе еще тайна слышна –
Пусть сияние лета продлится!

* * *

Накрутишься за день
  и взглянешь в окно,
А там догорает
  сиятельный вечер...
Механик-Господь
  крутит то же кино –
Сюжет его прост,
  ненагляден и вечен.

А ты, милый мой,
                                всё куда-то бежишь,
Всё новости ищешь,
                                летишь без оглядки.
А только и тайны,
                                что стой, где стоишь,
И всё будет ясно,
                                всё будет в порядке.

* * *

Смотри: это яблоня!
  Это скворец!
А ты их увидел
                                как будто впервые.
Тебе, для тебя
  и с тобою Творец.
Всё живо вокрут,
  да вот мы неживые.

* * *

Стоит под звездами старик,
Небесный свод благословляет.
Над ним Крест Лебеда летит,
И Млечный Путь в тумане тает.

Роса жжёт ноги старика.
Комар звенит, а он не слышит.
Душа его теперь легка,
И сам он будто выше, выше...

И нет ему ни дней, ни лет,
Порядок времени забылся.
Стоял старик. Стоял – и нет.
А в избу мальчик воротился.

* * *

Ни листок не шелохнётся,
Не кивнёт цветок...
Только ласточка смеётся –
Чёрный лоскуток.

Встав на цыпочки, берёза
Смотрит на закат.
Свет вершины нежно розов –
Облака горят.

Всё по сердцу, всё по нраву
Господу в саду!
Что же я-то, Боже правый,
Места не найду?

Снова нас Творец прощает,
Вновь благоволит.
Слышу. Вижу. Понимаю.
А душа болит.

* * *

21 июня 2008 г.
К дню рождения
Н.О. Пушкиной.

Подругой дней его суровых
Мамап, как видно, не была.
В своих заботах бестолковых
Жизнь как-то молча прожила.

Ни посвящений благородных,
Ни деньрожденческих стихов,
Ни полстроки в альбомах
модных

Сын не оставил.

Стариков
Поэты мало почитают,
Как ты, как я, как целый мир,
Адель они поют, Аглаю –
Все, кроме матери, – кумир.

Но может, так оно и надо.
И мать нас первая простит.
Ей только б живо было чадо,
Да печень, почки, простатит
Его не мучили некстати.
Да брак был счастлив, да семья
Жила в покое и достатке...
Чего ж вам более, друзья?

Зато на кладбище старинном
Он мать с любовью положил,
Чтоб с ходом лет
почтенным сыном
Лечь рядом, как Господь судил.
И как пред ним придешь
склониться,
То тут же вспомнишь и тамап.
Ткут парки жизнь,
мелькают спицы.
А что стихи? Стихи – туман.

* * *

Яблонь румяные дети
Весело смотрят в окошко.
Как мы мгновенны на свете!
Жизнь посидим на дорожку.

Пусть этот вечер продлится,
Ласточки пусть посмеются...
Господи, солнце садится!
Нет, ничему не вернуться...

***

Валентину Курбатову

1.

Пролегают овраги
морщинами резкими
по крестьянскому лику
родной стороны,
здесь легко нам поля
рифмовать с перелесками
и с холмами зелёными –
гребень волны.

Нужно было тебе,
словно дереву, вырасти,
зашуметь на пригорке
лиственной молодой,
чтоб услышать молитву
о чуде и милости
и увидеть родник
со святою водой.

Чтоб понять, как мы жизнь
разменяли, растратили,
как отвергли
родителей наших труды,
нужно только взглядеться нам
в Лик Богоматери,
отражённый в стекле
родниковой воды.

И тогда ты не хлебом,
а слезною пищею
будешь молча питаться
и ночью и днём,
будешь душу свою,
обнажённую, нищую,
очищать по ночам
покаянным огнём...

2.

Ночью из можжевельника
выточены кресты,
Чистого понеделника
выбелены холсты.

Молча обходит странница
веси и города –
вестница и посланница,
Пепельная среда.

Только кичится брашнами
мир с четырёх сторон
и громоздится башнями
каменный Вавилон.

Но не даётся право нам
в недрах земли уснуть –
шёлковым белым саваном
снег замедляет путь.

Ты ли была крупницею
соли на дне глазниц,
ты ль облетала птицею
круг мировых столиц,

ты ли равняла жалостью
умного и глупца,
трогала самой малостью
каменные сердца?

Ты ли – восторг, сумятица,
льющаяся вода,
или - Страстная пятница,
Пепельная среда?

3.

Без тайных мыслей,
слёз и упований,
без страхов и бессмысленных
надежд,
на лестнице чужих
существований,
среди младенцев, гениев,
невежд,

среди ассирийцев, греков
и этрусков,
в пространстве ночи
бесконечной – там,
где в царственные хижины
моллюсков
вошли, как в рай,
Ламарк и Мандельштам,

где грех горит огнём
неугасимым
в пространстве смерти,
на верху горы,
где Ной с детьми –
Яфетом, Хамом, Симом
раскинул в поле
пёстрые шатры,

там, где дрожат
светил туманных пятна
и где звучит негромко лития,
вдруг очутиться –
и понять внезапно
весь ужас и блаженство
бытия.

Короткие рассказы о войне

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

Счастливым случаем

Я тогда командовал батареей гаубиц. Порой в разведку самому ходить приходилось. Как-то я из разведки вернулся, а в полку нашей машина военорга. Только опоздал я. К моему возвращению всё, что можно было, раскупили и продавщицу саму уже куда-то утащили...

Такое зло меня взяло! Всегда так: кто больше всех делает, тому меньше всех достаётся! Тут мне под горячую руку старшина моей батареи попался. Я налетел на него, накричал, что он батарею в обоз превратил, что чемоданы трофейного барахла с собой таскает...

Тут мне несколько моих солдат попались, я на них налетел за то, что таскают с собой трофейные автоматы, в общем, я был так страшен, что старшина выбросил и сжёг свое барахло, солдаты - нештатное оружие. Они все потом говорили, что таким страшным меня никогда не видели... Не скоро я успокоился, заставил всех оружие, обмундирование, самих себя привести в порядок, побриться, как перед смотром, всё лишнее выбросить...

А поздно вечером неожиданно приехала какая-то комиссия с проверкой. Всем разнос, а мне за образцовую батарею - благодарность от имени Верховного Главнокомандующего.

Встреча с братом

До войны мы жили в маленьком городке Тальново, что недалеко от Киева. Когда началась война, мне было десять лет. У нас в семье было много детей, кроме меня три дочери, одна - старше, двое - младше меня и один брат - Марк. Когда начались боевые действия на Халхин-Голе в 1939 году, он, студент, добровольно пошел в Красную Армию (со многими своими товарищами), воевал там. В 1941 году он уже был лейтенантом и служил недалеко от западной границы... Помню, когда я услышала о начале войны, побежала почему-то не домой, а к матери друга моего брата, с которым они вместе поехали на Халхин-Гол и который там погиб.

Как только стало известно о начале войны, отец запряг в телегу лошадей, погрузил на неё самое необходимое, и мы ночью выехали из городка по направлению к Харькову. Мы знали, что немцы всех евреев убивают и что нам нельзя оставаться. Все наши знакомые-евреи и родственники, которые по разным причинам остались, погибли в Бабьем Яре. Многих из них закапывали живыми, и земля там, как говорили люди, ещё неделю ходуном ходила... Мы ехали на двух телегах, с нами были родители отца. Как-то мы попали под бомбёжку, прятались под телегами, отец велел нам, девочкам и женщинам, снять белые платочки. Ехали мы несколько дней, ночевать останавливались в деревнях у знакомых отца. Лошади сильно уставали. Помню, мы проезжали по какому-то длинному мосту, и я, чтобы легче было лошадям, слезла с телеги и бежала за ней, держась рукой...

Так мы доехали до Харькова, остановились там у родственников. Тут немного успокоились. Харьков оборонялся долго. Отец списался с родственниками, жившими в Иркутске, и решил везти нас туда. Помню, его прямо в Харькове хотели призвать в армию, но он договорился, что отвезёт семью в безопасное место. Недалеко от дома, где мы остановились, располагался госпиталь. Мама туда ходила каждый день, носила раненым красноармейцам еду, фрукты, папирсы. Они сверху из окна спускали ей верёвку, она привязывала корзину, и они поднимали. Она всё время спрашивала: «У вас нет лейтенанта Марка Бринберга?» Будто сердцем чувствовала, что он где-то рядом, но найти не могла.

Как-то нас привлекли к строительству бомбоубежища, и за работу дали всем детям билет на спектакль кукольного театра, рядом с госпиталем. Я пришла пораньше, подружки пошли в первый ряд, а я почему-то села в середине. Они меня зовут к себе, а я не иду. На спектакль пришло много раненых, и вдруг, смотрю, прямо ко мне идет какой-то молодой солдат с рукой на привязи. Идет, смотрит на меня и улыбается. А я ничего понять не могу, только потом сообразила, что это Марк. Я ведь его больше двух лет не видела. После спектакля мы вместе пошли к нам. Что было! А наутро мы уже уезжали в Иркутск. На меня пальцем показывали и говорили: «Это та девочка, которая нашла брата».

Беженцы

Приближение войны к Воронежу с каждым днем становилось все более ощутимым. Тревожные сведения с фронта по радио, светомаскировка, тревоги по нескольку раз в день, длинные очереди в магазинах, большая тревога, потерянные взрослые, полная неясность, что ждёт впереди... На всю жизнь запомнились проводы людей на фронт, со слезами, плачем, гармошкой и водкой, с частушками и приплясыванием. Прощались многие навсегда.

В городе появилось много беженцев, в основном с Украины. Как-то папа с работы привёл к нам беженцев из Харькова, еврейскую семью (муж и жена, ждущая ребенка). Эта семья вместе с нами затем эвакуировалась в Казань, откуда глава семьи, как и мой отец, ушёл на фронт. Этим беженцам мы отдали одну из наших двух комнат. А через некоторое время мы эвакуировались и сами стали беженцами.

Конечно, эвакуированным лучше, эвакуация проходит более или менее организованно, государство обеспечивает транспортом (мы ехали в теплушке на сорок человек), можно взять с собой минимальный груз...

А беженцы бегут, спасая детей и стариков, почти без вещей, внезапно, своим ходом, без помощи могучего государства. Им гораздо хуже, они просто никому не нужны.

И вдохновляет перспектива

Иван ШЕПЕТА,
г. Владивосток

* * *

Вадима Кожина нет...
Пусть не велик, не вечен,
Любой им названный поэт
Был публикой замечен.

И в каждом – Родины простор,
И в каждом – искра Божья...
Увы, серьёзный разговор
Вести сегодня сложно.

И тонет критик в луже слов,
Хохмит с бульвара пресса,
И на базаре нет весов,
Чтоб взвесить без обвеса.

* * *

С весны на лето
во Владивостоке
болею я, от мира хоронюсь:
здесь в дождь шишат
все тубы-водостоки,
вниз шеей жестяной,
как птица гусь.

Дрожат кусты,
отряхивая капли.
И мелкий мусор,
быстро волоча,

И даже щепень
вниз гребут, как грабли,
метут, как метлы,
два больших ручья.

Переговоры

Харбинская красавица Ли-Си,
По-русски называемая Настя,
Ты, как заразу,
в сердце не вноси
Надежду легкомысленного
счастья.

Улыбчива, легка и длиннонога,
В тебе всё – наше,
жесты и слова,
А если и раскоса, то немного,
Акцент и тот я чувствую едва.

Красавицы – они свои для всех
И общее народов достоянье.
Иную б утомил уже успех,
Тебя ж не тяготит моё вниманье.

Тебе твой муж не равен,
как варнак,
Ты рядом с ним
балетная принцесса,
Я старый конь, но получаю знак
И становлюсь участником
процесса.

Я именно таких
всю жизнь люблю.
Но, если это слишком
беззаконно,
Я, как щенка слепого, утоплю
Надежду ту, чтоб ты жила
спокойно.

Я никогда не движусь
напрямик
И лишь слегка настойчивей
в повторах.
Вся наша жизнь зависит
в этот миг,
Как далеко зайдём
в переговорах.

Твою ладонь
пожму в своей руке,
Итога нет, всё это подготовка,
Но мы составим
два коммюнике,
Один для всех, другой для нас,
и только.

* * *

Снег пушистый, хороший
мне ложится на плечи,
но под этою ношей
мне шагается легче.

Легче дышится,
длится
жизнь – мгновеньями, снами,
и так хочется слиться
с тем, что где-то над нами,

с тем, что рядом и всюду,
с жизнью, равною чуду,
прошлым и настоящим
снегом,
косо летящим...

Квартира на Крыгина*

А.В. Колесову, редактору
альманаха «Рубеж»

На Эгершельде* вечно сыро,
И кажется, когда туман,
Что с тёплой лоджией квартира
Плывёт в открытый океан.

Во всех шкафах,
на книжных полках
Поэты выставлены – сплошь,
Здесь всё в стихах,
как ель в иголках,
Так много, что не перечесть.

И нет посредственного читва,
Все стихотворцы – первый сорт,
И вдохновляет перспектива:
Направо – остров, слева – порт.

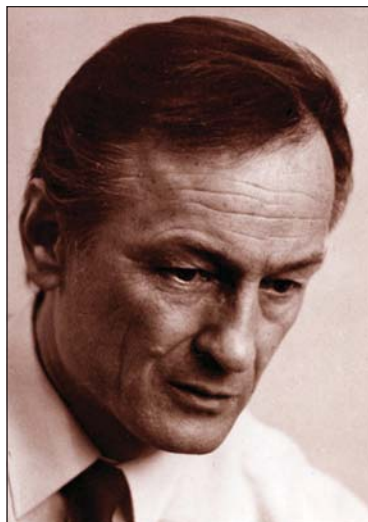
В своём бессмертии немая,
С живыми не вступая в спор,
Бюст медный Битова Андрея
Глядит над бухтою в простор.

И пью я чай, как в Эрмитаже
Среди пейзажей и гравюр,
У друга, Колесова Саша,
На масло мажа конфитюр.

И сладко быть мне в этом мире,
И счастлив я, что невзначай
След в след ступаю
в той квартире,
Где Битов с Сашей пили чай.

*Эгершельд – полуостров, окаймляющий с правой стороны владивостокскую бухту Золотой Рог на выходе из Торгового порта.

*Крыгина – улица на Эгершельде.

Время Русь собирать

Михаил НОЖКИН

Михаил Иванович родился в Москве в 1937 году. Окончил студию при Московском театре эстрады (1950). Актер. Народный артист России, лауреат Государственной премии России им. братьев Васильевых (1982 – за сценарий документального фильма «Ради жизни на земле»). Народный артист РСФСР (1980), заслуженный деятель культуры ПНР (1975), лауреат премии имени А.Твардовского, поэт, композитор. Песни сочиняет с 1961 года на свои стихи. Написал музыку к фильмам: «Ошибка резидента» (1968), «Баламут» (1978). Написал тексты песен к фильмам: «Ход белой королевы» (1971), «Шельменко-денщик» (1971), «Золотые рога» (1972), «Сибирячка» (1972), «Семья Ивановых» (1975), «Финист – Ясный Сокол» (1975), «Одинокое плавание» (1985).

Время Русь собирать

Вновь над Родиной тучи
багряные,
И набат и гудит, и зовёт,
Вновь на Родину беды
нагрянули,
Снова стонет великий народ.
Сколько ж можно терпеть,
сколько ж можно страдать –
Всенародные кличут уста.
Время Русь собирать,
время Русь собирать,
Где ж ты, Иван Калита?

Снова правят в России
шарманщики,
Снова в шорох и правда и честь,
А уж не счесть ни воров,
ни обманщиков,
И предателей тоже не счесть.
Всю Россию опять разделить,
разорвать
Неспроста норовят, неспроста.
Время Русь собирать,
время Русь собирать,
Где ж ты, Иван Калита?

Затащили нас в дни окаянные,
И Россия сама не своя,
А всюду толпами гости
незваные,
Как хозяева в наших краях.
Снова недругов рать,
вечных недругов рать
Рыщет возле святого креста,
Время Русь собирать,
время Русь собирать,
Где ж ты, Иван Калита?

Где ж вы, смелые, сильные,
дерзкие,
У кого ж нам защиты просить?

Где ж вы, Минины, Жуковы,
Невские?
Где ж ты, Сергей –
заступник Руси?
Гей, великий народ!
Хватит дрёму дремать!
Встань, в ком вера и совесть
чиста!
Время Русь собирать, ох,
время Русь собирать,
Где ж ты, Иван Калита?
А время Русь собирать,
время Русь собирать,
Где ж ты, Иван Калита?

Песня солдата

Разве можно былое забыть?
До сих пор годы мчатся,
как пули...
Мы суровой солдатской судьбы
До краёв всем народом
хлебнули.
В душах вечный осколок
торчит,
Память бьёт
бухенвальдским набатом.
И поныне в народе стучит
Опалённое сердце солдата.

Мы в атаку вставали страной,
Всем народом дрались
в рукопашной.
Мы Победу добыли ценой,
О которой подумать-то
страшно.
Но всегда ль мы достойны её,
Забывая порою, что свято?
И частенько нам спать не дает
Беспокойное сердце солдата.

Мы по чести обязаны жить,
Позабыв пьедесталы и нимбы;
По-солдатски Отчизне служить –
Где бы, кто бы
и кем бы ты ни был.

Нам, сегодняшним,
в завтра идти,
Вспоминая о прошлом
крылатом.
Пусть стучит оно
в каждой груди,
Бескорыстное сердце солдата.
Нам война не нужна никогда.
Мы с рождения –
мирной породы,
Ну а если вдруг снова беда –
Мы в атаку опять всем народом!
Будем к новым победам идти
Так, как шли ветераны когда-то,
А пока над планетой летит
Наша мирная песня солдата.

Россия

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь,
Нерастроченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца.
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам

Много раз тебя пытали –
Быть России иль не быть,
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить.
Но нельзя тебя, я знаю,
Ни сломить, ни запугать,
Ты мне, Родина родная,
Вольной волей дорога.

Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна,
Нерассказанная сказка,
Синеокая страна.
Я в берёзовые ситцы
Нарядил бы белый свет,
Мне всю жизнь
тобой гордиться,
Без тебя мне счастья нет!

Тусклое солнце над русской равниной

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

След

По степи пронёсся ветер
горький,
Вот он прянул будто бы
в седло.
Как из занавески, на пригорке
Приоткрылось странное село.
Избы только
приземлённой масти.
Даже если солнце высоко,
Это ли оплот державной
власти? –
Под ногами битое стекло.
Тень мелькнула старца ли,
калики,
Поскитавшегося на веку.
– Ты осколок истины великой, –
Сразу обращаюсь к старику.
– Расскажи про то,
чего не знаем,
Всё балаболим столько лет.
Но он тут же скрылся за сараем.
«Пришлый он», –
дал ветер мне ответ.
На кирпич поразобрали трубы,
Пыль разора вихрем унесло.
Век наехал на деревню грубый
Беспощадным красным
колесом.
Видишь, еле видимы усадьбы –
Христианской верности оплот.
Навсегда здесь отшумели
свадьбы,
Кто куда разъехался народ...
А какие гости здесь бывали,
Оставляя благости печать,
А какие песни здесь певали –
Остаётся только помолчать.
Кто о грустной доле песню
сложит,
Кто обидой горькой укорит?
Злой вины никто понять
не может,
Печь без горла не заговорит.
Горенки давно стоят пустые,

Скарба нет и, значит,
нет примет.
Догнивают избы вековые
Без свидетелей былых побед.
Не успел им передать
свой опыт
Умерший давным-давно старик.
Стены издают невнятный
шёпот,
Половицы –
еле слышный крик...
Ветер прах разбросанный
тасует,
А мы слёзы горестные лём.
Полстраны уже давно пустует,
Пол-России поросло быльём.

Баба

Тусклое солнце
над русской равниной,
Поезд скрывается
в снежной пыли,
Как заведённая,
в чёрной рванине
Баба кувалдой гвоздит костыли.
Ватник её в домотканых
заплатах,
Чуни, как гири, на тонких ногах.
Доля советская,
волюшка сладкая
Явлена красной строкою
в веках.
Родичей вывезли,
сплавили семьи.
Как и куда?
И подумать не смей.
Канули в рямы,
легли в посуземье,
В волнах укрыл ли
седой Енисей?..
Чуни для девки – весомее срама,

Пашет, да так,
что парням не чета.
Сколько похвальных
ей выдали грамот,
Даже не может сама сосчитать...
Горняя горница не привечает,
Веретено по ночам не шумит.
Ветер насельников тени качает,
Всех задевая, Россию штормит.
С горькою долей
смириться готова,
Что не увидит
ни мать, ни сестру.
Слёзы застыли
на шпалах кондовых,
Вздых её слышен
вокруг за версту.

Как и вчера, ей сегодня
не сладко,
Взор затуманен,
под сердцем саднит.
Баушка, девка, молодка,
солдатка
Вешкой на рельсах отчизны
стоит.

Трудяги

Всю жизнь
Вы были бедными,
Не ладили с деньгой,
Трудяги безответные
Пахали день-деньской.
В какой сейчас обители,
В небесную ушли?
Любимые родители,
Старатели земли.
Вы для меня не умерли,
Не вышли на покой,
Хранитесь, словно мумии,
В сердечной кладовой.
А я, такой же маленький,
Чтоб не попасть в беду,
Пред миром на завалинке
Играю на виду.

Какая роковая связь времён

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток

* * *

Царю присягу соблюдая свято,
Мой прадед был в строю
полсотни лет.

Вся грудь в крестах,
и борода – лопатой,
Я до сих пор храню его портрет.

И дед мой тоже
был служакой рьяным,
Когда на фронт попал
из мирных мест,
Он дважды ранен был
под Ляояном
И заслужил Георгиевский крест.

Отец мой шёл от Курска
до Берлина
И от болванки
(метров с пятисот)
Его в броню одетая машина
Горела у Зееловских высот.

Мне легче было
в шестьдесят девятом
И проще было, что ни говори,
Но я был тоже неплохим
солдатом
И ранен был штыком на Уссури.

* * *

Из старого, ещё со школы, крута
Я для тебя товарищ давних лет.
Мы разойдёмся,
не простясь друг с другом,
Через знакомых передав привет.

Привет передадут
под снегом колким
И извинятся: «Ну пошёл. Дела».
Ты постоишь,
не разобравшись толком,
Куда меня дорога увела.

Я о себе напомню, как устроюсь,
В письме своём стараясь
скрыть печаль.

За сотни вёрст
от прошлого укроюсь,
От дней, которых мне,
как прежде, жаль.

Ты мне ответ напишешь
в три страницы.
И, может, даже сразу отошлешь,
Не позабыв за что-то
извиниться

И приписать,
что хорошо живёшь.

Потом писать друг другу
станем реже.

Потом мы будем
только поздравлять.

Потом как будто
провод перережут,
Хоть знаешь где,
а что-то не слышать.

Но всё же вспомнишь,
хоть и раз в два года,
Старинный дом,
в котором ты жила.

Осенняя промозглая погода
Вдруг на воспоминанье навела.

И будут в памяти
всплывать моменты,
Которых нам не суждено забыть,
Как кадры очень старой
киноленты,
Которые не в силах разлюбить.

* * *

Что осталось?
Вспоминать, что было,
И опять перебирать грехи?..
Целый вечер дочка теребила:
«Папа, почитай свои стихи».

И уселась на диване с книжкой,
Вертит в тонких пальцах
карандаш.

Рядом с ней –
тряпичный синий мишка –
Это первый почитатель наш.

И глядит.
Глаза полны тревоги:
Вдруг откажет папа –
не впервой...

Дети наши –
маленькие боги,
Сохраняют наш очаг земной.

* * *

Какая роковая связь времён
Во мне клубком смешалась
и стенает?

Никто так поздно жить
не начинает,
Когда бы был достаточно умён.

Какая роковая связь времён
Тебя так безошибочно находит?
Передо мною жизнь твоя
проходит

В толпе людей
без лиц и без имён.

Какая всё же роковая связь...
А может, мы с тобою у порога,
А если жизнь тропинкою вилась,
А если впереди уже дорога?

* * *

Нет, вымысел поэта – не обман.
И, критикуя, не входите в раж.
В стихах порою пишется роман,
Порой – документальный
репортаж.

Но истина по-прежнему одна.
С ней не сыграешь
в чёт или нечёт.

Но выпейте со мной стакан вина,
И как тут знать, куда нас занесёт.

А может, всё же истина в вине?
Философ древний,
видно, всё же прав,

Но почему же по вина вине
Поэты пишут,
ложью ложь поправ?

Запечалится сердце

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артём

* * *

Чтоб зародился свет
в сердцах людей,
Чтоб мысли оживили
темный разум,
Огонь украл с Олимпа
Прометей,
За что и был безжалостно
наказан.

По воле Зевса-громовержца он
В горах далеких был к скале
прикован,
Алмазным клином
к камню пригвожден
Для верности –
вдруг подведут оковы.

Под вечер прилетал к нему
орел
И хищным клювом
рвал живое тело.
Ах, Прометей!
Ну что он приобрел,
Когда свершил
свое благое дело?

Теперь не считаешь,
сколько лет
Прошло в тисках
мучительных страданий.
Но у людей в сердцах
зажегся свет,
Открыв дорогу для великих
Знаний.

Проснулся разум,
что веками спал,
Жить стало интересней
и тревожней...
Геракл в итоге Прометея спас –
Сын человеческий
с искоркою Божьей.

* * *

Запечалится сердце,
жалая ушедшие годы
И беспечное детство,
давно убежавшее прочь.

Время вспять не вернуть.
Нерушимы законы природы,
Исключений в них нет,
и никто не сумеет помочь.

Но представим на миг –
жизнь по-новой
раскинула карты.
Наши мышцы крепки,
наши души чисты и нежны.
Но – другая эпоха,
и в мире другие стандарты,
И другие законы,
и прежней не стало страны.

В неокрепшей душе
может всякая нечисть селиться,
Нам ее поставляют
без всяких запретов давно.
Как бы выжили мы
в перестроечной мутной
водице?

Если солнца не видишь,
легко опуститься на дно,
Или плыть по течению,
а сносит все дальше и дальше.
Или камнем залечь,
под который вода не течет.
Не заметить предательства
и преднамеренной фальши.
Всем порывам души
предпочесть очень трезвый
расчет.

Выбираем себе
по уменью и возрасту нищу,
В переменчивом мире
пытаемся что-то понять.
Наше время ушло,
и другие историю пишут.
Дай нам, Боже, достойно
историю эту принять.

* * *

Я узнала с трудом
этот старенький дом
Под крутой черепичною
крышей.
В золотые года, в давнем
детстве моем,
Он казался и больше, и выше.

Забиралась тайком
я на самый конек,
Потому что за это ругали.
Наверху хорошо!
Было мне невдомек,
Что не видно за сопками дали.

Но зато вся деревня
лежит подо мной –
Огороды, дома, лесопилка...
И орла в вышине,
и струящийся зной
Сохранила мне
память-копилка.

Пять дубов богатырских за
школьным двором –
Ствол едва ли охватишь руками,
Ручеек, где мы раков ловили
гуртом,
Осторожно ворочая камни.

В бывшей церкви давно
не звучало молитв,
Мы туда приходили учиться...
До сих пор не забыли
ладони мои,
Как шершава была черепица.

* * *

*Николаю Рубцову
(3 января – день рождения Рубцова)*

Родиться поэтом от Бога –
Что в жизни случится важней?
Скитаться по разным дорогам
Среди неустроенных дней.

Хмельть от вишневых рассветов,
Просторам себя раздавать,
Цветы собирая в букеты,
В стихи собирая слова.

В судьбе, как в дороге неровной,
Случайный подыскивать кров,
Брататься с ветрами и громом,
Любовью платить за любовь.

Прослыть неудачником – ладно!
В стихах то усмешка, то грусть.
Быть сыном страны неоглядной
Со звонким названием Русь.

У жизни на краю

Владимир САМАРСКИЙ,
г. Лесозаводск

Приморье

Люблю печаль твоих долин,
Таёжных сопок окоём...
Я твой непришлый паладин,
Здесь мои весь и дом.

Люблю тайгу и мелколесья,
Овал озёр, извивы рек...
Я здесь родился, вырос здесь я,
Здесь довершу свой век.

Люблю солёных волн накат
И грозный шип
их пенных стоков...
Ты, как незыблемый фрегат,
Русь стережешь с Востока.

Откровения от лукавого

«Природа нас лепит
не только из мяса,
Но нам подавай же
почаще мяско.
Тогда мы вальяжны,
вещаем басом,
Над брючным ремнём
топырим пузцо.
Без мяса звереем,
рты ощерив,
Пучим глазища
и гневом горим...
Кулак свой с чьей-либо
скулой соизмерив,
В себе воскрешаем
снова горилл.
В нас жажда – оттяпать
у всех и всё.
Но тут, как штыки,
чьи-то встречные страсти.
Под свой же вердикт:
«Нет, я не осёл!» –
С азов постигаешь
премудрости власти.
Одних приструнив,
других размазав,
Как пьяный плевок
на дорожном асфальте,
С икотой сытой
желудочных спазмов

Ты прёшь на выборы –
за поясом «вальтер».
Попутно иных
превратив в решето,
Усядешься в Думе,
корячась пошире.
Теперь к тебе
уже ни за что
Не подступишь
в прокурорском мундире.
...Собою доволен –
всего, мол, достиг.
И вилла своя
на «рублёвском» этажится...
Но... нервный ты что-то,
почти что – псих,
И каждый прохожий
киллером кажется.
Не вечное это –
устроенный быт...
Судьба ведь не дремлет,
и вот однажды,
В виду охраненья
ты будешь убит,
Погаснет огонь
властной жажды.
Надгробный мрамор
с барельефом твоим,
Заплаканы мать,
жена и дети...
При жизни подумать бы,
что творим,
И ради чего
живём на свете!
Ан нет же, хватаешь
всё зримое глазу,
В бессмертие метишь,
тесня и Бога...
Народу пора бы
нас всех и сразу,
Как мусор, сметать
с родного порога.
...Счетами в банке ты
можешь гордиться
И тем, что в хоромах
барских жил...
Итог: на том свете
ничто не согдится...
Ты там, как и все,
и не сэр уже – сир»...

XX век

Вздорный век,
всечуждый чарам...
Сколько ротиков-нулей
С перестроечным утаром
Нам гнусавили елей?!
Ты туда-сюда, бродяга,
Перевёртыш,
фря* – «мой век»...
Заварил свою бодягу,
Порезвился и... померк.
Разуверил души наши,
Крови попил, будто гнус...
Черепком испитой чаши
Запустил в большую Русь.

* фря – кривляка.

Люблю дорогу...

Люблю дорогу –
по тракту, по «железке»,
И чтоб кругом –
загадочный простор...
А ехать всё равно куда...
– К невестке?!
Где сын, где внук,
где любящий призор...
Где слёзы умиления на щеках,
И отблеском вдали –
синь моря в облаках.
Потом ты из гостей
к дому вновь возвратишься,
На сердце грусть,
но на душе елей.
Привычному, как новому,
дивишься,
Возвысившись над жизнью –
не при ней.
... Люблю, в дорогу
чтоб без сборов,
И жизнь простую –
без подзоров*.

* без подзоров –
здесь: без излишеств.

Что-то случилось...

Юлия ПОДЛУБНОВА
г. Екатеринбург

* * *

Странный прохожий:
  угол лица.
Вечер, канал, продольная.
Вырвана с мясом пуговица.
Мясо из сердца? – больно так.

Раз человек, не памятник,
гибни на площади Репина.
Что-то звенит там, в памяти –
кольца твои? – серебряно.

* * *

Отрежем: время, дата.
На сайте будет пусто.
И поцелуй куда-то
цензура не пропустит.

«Пока ты в шоу, в чате,
хожу я, милый Чарли,
не в Институт печати,
а в институт печали...»

Римейк

От хризантемы мысли: смерть.
Чего еще желаешь сметь?

Засим квартира, кот, – все то ж.
Здесь кто-то лишний...
  попытожь.

Мы ели торт и пили чай.
Ты говорила мне «прощай».

* * *

Если хочешь – я не против,
я не против, человек:
в наших жарких подворотнях
будет падать черный снег.

Этот вечер – буги-вуги.
Вспоминаю Лао-цзы.
И не знают друг о друге
мои братья и отцы.

Исповедь модели

На кнопке буква.
В груди тоска.
И смотрит бука:
«My name is Ska».

Она не русска.
Она is she...
Перезагрузка
длиною в жизнь.

И кто на поди-
ум – «не чит.».
И кто в ай-поде
весь день молчит?

* * *

Что-то случилось: рю,
улица, авеню – или как? –
часто я говорю
сразу на всех языках.

Даты, лица, а/я
память не держит, мрак.
Первое «я – твоя»,
его имя, последний акт.

Телефоны коллег
путаю, ночь и день.
Черный где человек,
белая где его тень.

* * *

Вот стол, софа,
история на ланч
и гамма с фа.
«Раз любишь, так поплачь!»

CD из тех...
покрытые пылью,
ремень и стек –
и не плевать в лицо!

Вот «Барби-тур»,
пока ноябрь, зима,
и барбитур,
чтоб не сойти с ума.

* * *

Хмель в деревне
зачищают и мак.
На деревьях –
ворох жженных бумаг.

Осень. Альфа, бета, дельта –
войска.
И разбила резидента
тоска.

Не успеет из Ирана
состав.
И скрипит у ветерана
сустав.

Стихи революции

Шар упадет с торца,
наследник – из дворца,
и у летящих статуй
гипс сыплется с лица...

Пока все хорошо,
фонтан посмотрим, шоу
и арку, под которой
поэт с ума сошел.

* * *

По берегу прогулка,
по камским кручам.
Красавица, вогулка,
шаманов круче.

Куда стремятся реки,
к каким вокзалам?
И сколько, человеки,
она вас знала!..

И как сияет бакен! –
звездой на синем...
Спросите у собаки,
кто был ей сыном.

* * *

В стране замолкли чайки
и пахнет с Юга гарью.
Огни чрезвычайки
так весело мигают...

Марина Цветаева – От первого лица

Сюита

<http://stihi.ru/2009/11/16/9009>

Вадим ШАРЫГИН

«Быть современником – творить своё время, а не отражать его. Да отражать его, но не как зеркало, а как щит. Быть современником – творить своё время, то есть с девятью десятками сражаться... Современник: всегда меньшинство».

«Земное устройство не главнее духовного, равно как наука общежития не главнее подвига одиночества...»

Марина Цветаева

**«Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы»**

Марина Цветаева.

1.

Не смейте «любить» – Не зная! –
Меня. И моих стихов.
Не нужен мне дар Данаев,
Слащавая вонь духов!

Живым – воздавайте чести,
Успейте, – Хоть иногда!
Погибшим поэтам – лести,
Как русской весне вода.

Не смейте «листья» – Убитых
Поэтов судьбу – на сон!
И стыд своих жизней, вжитых
В обыденный ритм персон, –

Не думайте даже, – Тщетно! –
Не з р и м о е, – Зримым крыть.
Расколота пощепно –
Зажившихся ждёт корыть.

Не смейте «любить» – Не плача! –
Мной. И над казнью моей.
Я – не доход вам, – Сдача! –
С про п л а ч енных кровей.

2.

Взво-од! Товсь! Це-эльсь! Пли! –
Чи-та-те-ли.

Вразброс. Вразброд.
Вразнос! В расход!

Взвой! Взвей! Взбей! Взгрей!
Вза-грив. Вза-шей.

Воздай. Возглавь.
Восстай! Восславь!

Поэт – тому,
Кто в мир иной!
По-э-то-му
Поэт спиной
Стоит. – Ко рвам.

Лицом поэт –
К стволам! К словам!

Бей! Жги! Рви! Пли! –
Чи-та-те-ли.

В губищах – Славь.
В кровищах – Вплавь.

Распятих – в песнь.
Расклятых – в плеснь.

Разбитых вдрызг –
В разлёты брызг.

3.

Мне от вас ничего не нужно, –
Кроме жизни не так, как прежде.
Слишком истоиво и натужно
Ветер рвёт на душе одежды.

Очень важно и очень срочно –
Я хочу, чтоб запомнил каждый:
Нас убили – такие ж, точно!
Нас распяли, как будто дважды.

Первый раз – те, что жили рядом,
Молчаливых набравшись точек.
Трёхдюймовым прошлись
снарядом
По позициям наших строчек!

А второй раз – уж после смерти, –
Гибель наших сердец скорбящих,
«До востребования», в конверте –
Опустили в почтовый ящик.

И теперь, мы, как часть досуга,
«Классика» убиенной чести!
Поэтескам, в любви, прислуга,
И мишени для пошлой лести!

Мне от вас – ничего не нужно,
Кроме г и б е л и – добровольной.
Потрудитесь, не брать
«наружно» –
Нас, «любимых», ... а то, –
Так больно!

4.

Любовь в стихах –
Так безответственна! –
Что ни скажи – всё подойдёт.
Вся «впопыхах»,
И слишком бедственна, –
Вокруг «самих себя» бредёт.

Такой «любовью»
Изрисована –
Гладь персонального житья!
Обескуражена, опсована –
Свора осклабившихся «я».

Любовь в стихах...
А жизнь – кровящая! –
Куда кровящую-то девать?
В стихах – любовь,
А так ... пропащая,
Иду убитых целовать.

5.

О долголетию, о хлебе, ...
Почём мука?
Укореняющимся в Небе –
Моя рука!

Счастливым, – среди смертей
и горя? –

Вопросом в лоб.
Сергей – погиб, а выжил – Боря...
В окоп, холоп!

Мы все восславлены, с любовью, –
Оплакан кто?
В музеях, взбрызнутые кровью, –
Платки, пальто,

Костюмы, платья и рубахи –
А где ж душа?
Душа – по-прежнему, на плахе, –
Ждёт палаша!

И это «жизнь»?!
Где сердце плачет, –
Ужель все – «за»?!
Укореняющимся в плаче –
Моя слеза.

Депрессивно-оптимистическое

Анна ПЕТРОВА,
г. Калгари, Канада

Все в этом мире страшно любопытны. И люди, и животные, а мы особенно. Вот я, например, с особым интересом наблюдаю за Мишей. Прямо с тех самых пор, как он родился. Уже скоро 21 год будет.

Вот прямо сейчас он сидит в удобном кожаном кресле перед компьютером, подперев левой рукой щеку, а правой водит мышкой. Мысли его для меня не секрет. Достаточно сесть поближе и уловить его взгляд.

– Свиной грипп скрестился с калифорнийским и сезонным. Пол-Украины вымерло. Еще пол-Украины уехало в Канаду. Остался президент, Юлия Тимошенко и Настя Каменских с Потапом. Бюджета Украины хватило только на четыре прививки.

– Американцы решили не размещать ПРО в Восточной Европе. Это, как бы, хорошо. Но за это они требовали от наших отказаться от военных поставок в Иран. Наши теряют надежного партнера и свое лицо, которое совсем недавно было восстановлено операцией в Осетии. Это плохо. Ну ладно бы амеры за это, например, эту самую Осетию признать пообещали. Им легко отказаться от того, чего и так не было! А у наших – реальный договор, деньги, сотрудничество... Не умеют наши тонкую политику вести. Надо же у самих американцев учиться – поставить оружие втихую, снабдить планом военных действий Ирану. А когда пиндосов замочат, поахать и погрозить пальчиком Ирану. Вроде как: «Ай-яй-яй, плохие какие!».

– Вот еще – наши новые военные базы в Таджикистане решили развернуть. И за это они пообещали таджикам взять «столицот» человек в Россию. На фиг нам еще столько таджиков? Их же будет больше, чем русских, тогда. Наши просто боятся, что США разместят свои базы первыми? Но на фиг амерам таджики? Они, американцы, из Афгана уходят. От ПРО отказались. Если наши хотят барьер наркотикам поставить, как говорят, то проще с этими таджиками визы ввести и строго-настроено приказать пограничникам их на подходах отстреливать. А тут: «Добро пожаловать!». Типа, будем поддерживать наркодилеров прямо на месте. Фиг ли деньги терять?

Миша встает, потягиваясь. Шутка ли, два часа не вставать с места!

Вечер медленно шагает в сторону ночи. Через гляцевую голубизну окон в комнату плавно ныряют полосатые блики фонарей.

– Чего я хочу в этом мрачном подлунном мире? – бормочет Миша, шлепая на кухню и открывая прохладно-сияющее чрево холодильника. Там, на дверной полке стройно стоят бутылочки пива "Велкоповицкий козел". Прямо под морозилкой в стеклянной круглой маленькой кастрюльке аппетитно желтеет тушеная картошечка. Рядом в баночке притаились маринованные корншотчики. А еще чуть ниже на розовой тарелочке лежат нарезанные колбаска и сырок. "Молодец, маманя!" – улыбается Миша.

Слегка перекусив и захватив бутылочку "Козла" к компьютеру, Миша снова ныряет в жерло новостей.

– Ага... Чем толще женщина, тем она умнее. Так говорят нам гарвардские ученые. Н-да. Моя, получается, совсем дура. А что? Так и есть. – Дальше. Чем длиннее нос у мужчины, тем длиннее...

Мишка вскидывает брови вверх и замирает. Потом встает и подходит к зеркальному шкафу. Задучиво трет переносицу, созерцая свой нос.

– Все-таки врут.

За окном в свете фонарей начинают порхать маленькие снежинки, а Миша, вздыхая, снова садится за компьютер:

– Да-а-а... Такую хрень пишут!

– Дальше... Хиддинк пообещал напиться, если наши выигрывают. Интересно, а у себя на родине он чего принимал в таком разе?

– Аршавина в Англии держат на воде и хлебе. Три дня назад он упал в голодный обморок прямо на поле, забив двенадцатый гол подряд. Плющенко же в восьмой раз женится. Еще бы! С его-то носом.

– За один вечер сгорело шесть домов престарелых, взорвалось 12 складов пиротехники и боеприпасов и 24 мента сбили 48 детей и беременных женщин.

Ни фига себе!!!

Миша подсказывает и начинает нервно бегать по комнате – мать еще не пришла с работы, а Ленка почему-то задерживается у частного зубного врача.

Сверху доносится знакомая мелодия. Ага... Это подросток Сонька наслаждается "Ранетками" вместе со своими одноклассницами. Почти каждый вечер после шести к ней заваливается визгливая толпа малолеток с накрашенными губами и начинается: "Ой, девочки, Лазарев! Ой, девочки, Бибер!".

Миша открывает новую страничку:

– Ежегодно 12 миллионов детей в Москве попадают в руки маньякам, – с тревогой смотрит на потолок, – бедные дети.

– Ага. Наука. Наша вселенная расширяется и охлаждается в то время, пока наша планета нагревается. Солнце затухает и одновременно разгорается. И скоро оно спалит нашу Землю. А вселенная превратится в пшик. Но так как всё имеет своих двойников в количестве 10 в 45 степени и каждый последующий двойник движется медленнее предыдущего в 10 в 18 степени, то мы будем жить вечно, что доказывают геронтологи, а также Нострадамус, который передал свои знания Мессингу в прошлом перевоплощении.

Глаза Миши наполняются блаженством.

В это время в прихожей открываются двери, и в квартиру входит Леночка. Очень хорошенькая и румяная с мороза. Мишка подсказывает к ней и начинает восторженно целовать ей нежные щечки:

– Все умрут, но мы будем жить вечно!

Тоненькие бровки над бездонными синими глазами ползут вверх, а губки, улыбаясь, приоткрывают два ряда белоснежных, только что залеченных зубов:

– Ты по мне скучал, милый?

...Будем надеяться, что они будут жить долго, счастливо и умрут в один день, но не от свиного гриппа, не от руки гас-тарбайтера, не в пожаре, не под колесами ГИБДД, не даже в огне конца света. А просто от старости. Потому что хоть врачи всем и обещают когда-нибудь вечную жизнь, но пока еще ничего лучше пластической хирургии и сомнительных таблеток не придумали. И конец света естественным образом приходит к каждому человеку где-то лет через 80 после рождения. Так говорил еще тысячи лет назад Екклесиаст. Уверяю вас, что с тех самых пор ничего не изменилось – только новости про войны, исходы народов и эпидемии люди узнают по интернету. Но всё – то же, всё – так же...

Поверьте мне, Старому Домовому!

Владивосток – Липки – Владивосток

Заметки с 9-го Форума молодых писателей России, прошедшего в октябре под Москвой

24 октября в подмосковных Липках завершил свою работу Девятый форум молодых писателей России. В нём принял участие наш земляк Василий Авченко, известный журналист, обозреватель «Новой газеты» во Владивостоке. Он привёз в Липки рукопись своего документального романа, первоначально названного «Зелёный угол». Название романа говорит само за себя: история ликвидации известного на всю Россию процветавшего автомобильного рынка знакома не только дальневосточникам и сибирякам, но всем автолюбителям страны. Роман Василия Авченко удостоен в течение года двух престижных премий: имени Ильи Кормильцева и «Магистр литературы» в номинации «Большая проза», о чём сообщила «Литературная газета». В скором времени ожидается выход книги под названием «Правый руль» в одном из московских издательств.

Ниже публикуются впечатления Василия о форуме.

Скажу сразу: я не писатель. И о своём участии в 9-м Форуме молодых писателей в Липках (пансионат «Липки» под Москвой, возле Звенигорода) писать ничего не собирался, пока меня не попросила об этом поэт Галина Якунина. С другой стороны, попал я туда, конечно, не случайно, поскольку весной написал нечто вроде романа о Дальнем Востоке и праворульных автомобилях и отправил этот текст на конкурс. О знаменитых форумах в Липках я много слышал; его участниками были столь широко признанные сегодня авторы, как Захар Прилепин, Герман Садулаев, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов, Денис Гуцко и многие другие. Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (ФСЭИП) под руководством Сергея Филатова – главного организатора «младописательских» форумов, – безусловно, делает большое дело. Особенно ценно, что это мероприятие, с одной стороны, проходит при благожелательном внимании власти (нам даже зачитывали приветствие от президента Медведева), а с другой – вовсе не отличается повышенной к этой же власти лояльностью. Писатель, известно, существо свободное.

Схема отбора участников ежегодного форума проста: молодые (до 35 лет) авторы высылают на конкурс (вся информация есть на сайте фонда) свои тексты любых жанров, после чего жюри в составе опытных экспертов-критиков отбирает лучшие произведения и рассылает приглашения. В этот раз приглашённых было около 180, в том числе из «ближнего зарубежья». Проживание в Липках и питание – за счёт организаторов, а что касается проезда – здесь ходатайства за подписью главы Федерального агентства по печати Михаила Сеславинского направляются в адрес губернаторов соответствующих регионов. Если честно, я с самого начала не надеялся, что губернатор Дарькин станет оплачивать мой перелёт в Москву и обратно (делать ему, что ли, больше нечего?), и поэтому поспешил приобрести билеты за свой счёт (повезло – достались недорогие). Я оказался прав: никаких звонков из администрации края не было, хотя, по словам Сергея Филатова, это скорее исключение из правил: «На 99% сбоев у нас не бывает».

Василий АВЧЕНКО,
обозреватель
«Новой газеты»
во Владивостоке

В Липках собрались любопытные существа – молодые писатели со всей России и не только. Узнавая, что я прибыл из Владивостока, все первым делом спрашивали, какая у нас разница по времени с Москвой, а вторым – сколько часов от нас летит самолёт (или сколько дней едет поезд). Поначалу было не по себе в толпе писателей — восторженных, размахивающих рукописями, узнающих друг друга, имеющих кучу публикаций и знакомств, а я — такой «дикий таёжник» с какого-то там Дальнего Востока, ни с кем не знакомый, написавший непонятно что и почему-то о правом руле.

После торжественного открытия форума вручали премию «Магистр литературы», учреждённую ФСЭИП и издательством «Олимп». Номинаций было две – «Большая проза» и «Малая проза», но лауреатов оказалось четверо: один по «большой», двое по «малой» и ещё один специальный диплом. Я заранее знал, что меня выдвинули на эту премию в номинации «Большая проза», но соперники (я кое-что читал перед форумом) были более чем достойными. Однако писатель Роман Сенчин, входивший в состав жюри, вручил диплом лауреата премии именно мне, сказав при этом, что жюри так и не определилось с жанром моего текста («то ли очерк, то ли повесть, то ли роман»), но «вещь сильная и достоверная». В «малой прозе» дипломы получили Сулиман Мусаев из Грозного и Алексей Полугрудов из Сыктывкара, спецприз достался Тамаре Сон из Челябинска. «Ни одного москвича», – подчеркнул Филатов.

Решением жюри по номинации «Большая проза» были удовлетворены далеко не все (что, наверное, нормально). Потом, уже в неформально-алкогольной обстановке, были споры; один молодой писатель предположил, что вручение премии мне — это «провокация», другой намекнул, что решению жюри предшествовали какие-то сложные подковёрные процессы, а на самом деле я вообще написал не прозу, а гольную публицистику, и премии поэтому не заслуживаю. Я с этим не очень спорил — моей задачей изначально и было написание «праворульной летописи Дальнего Востока» на стыке публицистики и прозы. Забегая вперёд, добавлю, что ещё летом я предложил этот же текст под первоначальным наименованием «Зелёный угол» в столичное издательство Ad Marginem, близкое

мне эстетически (среди авторов издательства – Лимонов, Мамлеев, Сорокин, Барт, Деррида, Юнгер, Прилепин, Елизаров...). Книга должна выйти уже в ноябре 2009 года, называться она будет, как мы в итоге совместно решили, - «Правый руль. Документальный роман». Вот это предложенное издателем эклектичное жанровое определение мне кажется наиболее точным. Кстати, в сентябре, ещё до вручения премии «Магистр литературы», эта же рукопись получила литпремию имени Ильи Кормильцева в номинации «контркультурная публицистика».

Но хватит о себе. Накануне форума на сайте ФСЭИП выкладывались (защищённые от всех, кроме участников, паролем) конкурсные тексты, а также отзывы рецензентов на них. Я читал, естественно, не всё; но многое из того, что читал, мне показалось написанным «ни о чём». Читаешь и думаешь: всё грамотно, хорошо, но зачем автор писал это? Мог бы мир (да и сам автор) обойтись без этого рассказа? Впрочем, были и очень сильные тексты – и поэтические, и прозаические. Мне особенно понравились рассказы Юрия Гришонкова из Вологодской области и сильная, мрачная, забирающая повесть «Пастораль» Дмитрия Хоботнева – шахтёра из Новокузнецка. Надеюсь, мы о них ещё услышим – это никакая не «молодая», а просто хорошая литература, написанная молодыми людьми. На форум, кстати, приехали несколько молодых писателей, уже считающихся вполне состоявшимися авторами — например, Сергей Самсонов из Подмосковья (автор нашумевшей «Аномалии Камлаева», о которой сейчас наперебой пишут критики), чудесная Ирина Мамаева из Карелии, изошрённая Мария Елифёрова из Москвы, Валерий Айрапетян из Петербурга... Я жил в номере с поэтом, не скажу откуда, который, как и полагается настоящему поэту, появлялся «дома» под утро и рушился в одежде на кровать поверх одеяла. Не то чтобы я сам вёл аскетический образ жизни, но утром я дисциплинированно вставал (помогала разница во времени), для порядка слегка будил соседа и уходил на завтрак, оставляя его досыпать.

Каждый участник по своему желанию записывался в один из мастер-классов, которые вели прозаики, критики, редакторы толстых журналов — от «Знамени» до «Нашего современника» и от «Октября» до «Иностранки». На этих мастер-классах разбирались конкурсные тексты участников. Их можно было заранее прочесть на сайте, но все на всякий случай привезли по несколько экземпляров своих рукописей, чтобы раздать товарищам. Я оказался, пожалуй, единственным, кто не привёз ни одного. Во-первых, лень было тащить в Москву такой кирпич, во-вторых, я вообще надеялся избежать обсуждения. Избежать не удалось, но, в общем, мой роман оценили комплиментарно, хотя некоторые указывали на специфичность и публицистичность (вполне заслуженно). Хорошо отозвались и ведущие нашего «новомировского» мастер-класса — прозаики Руслан Киреев и Валерий Попов: «Очень редко бывает, что человек находит не только свою тему, но и свою форму», «Вполне драйвовая вещь». Хотя они вообще никого особенно не ругали и были очень благодущны – видимо, вспоминали собственную литературную юность и свойственную ей ранимость. А к вечеру начинались альтернативные мастер-классы – в баре или в номерах.

Помимо мастер-классов, были общие («поточные», как говорили у нас в универе) встречи. Приходил Александр Городницкий — геолог, автор народных песен про пере-

каты, атлантов и снег (петь он, правда, отказался). Приходил банкир Авен и доказывал, что в России живётся лучше, чем жилось в СССР (кто бы сомневался). На завтраке или обеде можно было спокойно сесть рядом, скажем, с Эдуардом Успенским или Владимиром Маканиным. Однажды я увидел, как Успенский — вот уж правда живой классик, человек, придумавший Чебурашку — увлеченно тыкает палочкой-«стилусом» в свой смартфон. Пишет? Подкрался поближе, нескромно заглянул сзади... Успенский был увлечён компьютерным пасьянсом.

Запомнился скандалчик после просмотра фильма Павла Бардина о скинхедах «Россия-88». Фильм мне показался снятым талантливо, интересным, даже жизненным, но примитивным с точки зрения содержания и идеологической нагрузки. Вышла этакая страшилка, актуальная разве что для фанатов Валерии Новодворской или американских правозащитников: бегают злобные отмороженные скинхеды и бьют всех нерусских – вот он, русский фашизм, бойтес. Бог бы с ним, но после фильма началась дискуссия с участием самого Бардина; возмутителями относительного единодушия стали публицисты из почвеннических журналов «Наш современник» и «Москва» Александр Казинцев и Капитолина Кокшенёва, которые (какая наглость!) посмели высказаться в защиту русского народа. За это «либеральный» прозаик Андрей Дмитриев в совершенно хамском тоне обвинил Кокшенёву чуть ли не в нацизме (эта история выплеснулась в блоги и даже в некоторые федеральные СМИ).

Форум в Липках длился полную рабочую неделю. Скучно не было. Было полезно. Во-первых – для самих молодых писателей, которые смогли завязать знакомства, получить рекомендацию на издание или на специальную стипендию Минкультуры и т. п. Во-вторых — для, так сказать, государства. Ведь это тоже важно — собрать в одном месте людей из разных концов страны (и не только), чтобы они с удивлением открыли: мы по-прежнему принадлежим к единому культурному пространству. А я с удовольствием лишний раз убедился, что в стране есть множество молодых людей, которые пишут – и пишут хорошо, а часто даже отлично.

Василий Авченко родился в 1980 году в Иркутской области. Вырос в семье геологов во Владивостоке, где живёт и в настоящее время. В 2002 г. с отличием окончил журфак Дальневосточного государственного университета. С 1990-х годов работает в различных СМИ Владивостока и Приморья, сейчас – во владивостокской редакции "Новой газеты". Статьи публиковались в ряде федеральных СМИ. В журналистских командировках бывал в различных регионах РФ (в том числе в Чечне и других республиках Северного Кавказа), а также за границей. Лауреат ряда журналистских конкурсов регионального и федерального уровней. Документальный роман "Правый руль" (М., Ad Marginem, 2009) получил премию имени Ильи Кормильцева и премию "Магистр литературы" 2009 года.

УССУРИЙСКИЕ ЗВУКИ ЛИРЫ

Светлана КОРОЛЁВА,
руководитель музыкально-поэтического
объединения «Звуки лиры».

Объединение творческих людей было создано по инициативе Валентины Хапицкой на базе рефрижераторного депо в 1992 году как литературный кружок любителей поэзии для работников рефдепо. Первым руководителем стала Светлана Владимировна Шевцова, директор музея рефдепо. Литературный клуб получил название «Лиры».

В рефрижераторном депо оказалось довольно много людей, пробующих свои силы в творчестве, пишущих стихи. Они собирались раз в месяц, читали свои стихи, обсуждали их. Потом стали выступать с чтением своих произведений перед работниками рефдепо.

Очень скоро о них стало известно не только на родном предприятии, но и в городе. И к ним потянулись любители поэзии, люди самых разных профессий: поэты и художники, музыканты, композиторы, исполнители. И члены – теперь уже объединения, стали выступать перед разными аудиториями. Их стали везде приглашать. Без них не обходился ни один праздник, ни одно какое-нибудь важное событие.

Крепла их известность не только в городе Уссурийске. Они пробовали налаживать контакты с творческими людьми Владивостока и других городов Приморья.

Когда была создана литературная газета «Лукоморье», члены литобъединения печатали свои произведения на её страницах. Стихи авторов «Лиры» публиковались в местных и краевых газетах. Появились сборники уссурийских поэтов: Светланы Шевцовой, Людмилы Бондарь, Валентины Стешковой, Ивана Киланова, Нины Исаковой, Петра Кунашенко и других. Очень скоро поэты из литобъединения «Лиры» приобрели такую популярность, что их стали приглашать, чтобы они выступили. Их с удовольствием слушали студенты и школьники, ветераны и воины, потому что выступавшие затрагивали темы, волнующие всех людей, откликались в своих произведениях на все животрепещущие события, происходящие в стране и мире в период переломного времени – времени перестройки.

Из среды литобъединения вышли такие замечательные поэты, как С. Шевцова, Л. Бондарь, Пётр Кунашенко, Н. Исакова, Т. Овчинникова, Н. Малицкая, В. Стешковая, А. Ковтун, А. Михайлов, Л. Койнова, Е. Епураш и другие.

У всех у них вышло не по одному поэтическому сборнику. Композиторы Л. Бондарь и Л. Койнова написали музыку на произведения многих уссурийских авторов. И произведения поэтов зазвучали с новой силой со сцены.

Позже, когда произошла реорганизация рефдепо и С. Шевцова ушла оттуда, члены литобъединения с новым названием «Звуки лиры» стали собираться на свои заседания в городском музее и продолжали выступать со своими произведениями перед разными аудиториями.

После ухода С. Шевцовой в 2007 году в мир иной руководить литобъединением доверили мне. Мы продолжаем традиции, которые сложились в литобъединении при С. Шевцовой. Много выступаем со своими произведениями, организуем творческие вечера, участвуем в различных фестивалях. Выпустили три альманаха «Звуков лиры», в планах – выпуск очередного.

Взаимодействуем со многими организациями, в частности, с казаками Уссурийского казачьего войска, с Приморским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с общественной организацией просветительского центра «ЛАД», с общественной организацией «Женщины Уссурийска», с советом ветеранов воинов-«афганцев», с городской библиотекой, с городским музеем. Проводим с ними совместные мероприятия.

Есть у нас «звуковая дорожка» на радио «Усури» – «А лира всё звучит...», где каждую неделю звучат голоса наших авторов. Стараемся пропагандировать талантливых поэтов.

Многие поэты ведут большую общественную работу. Организованы литературные кружки при школах, где с детьми занимается наш поэт Цыганов Аркадий. Большую работу проводит Екатерина Епураш, пишущая стихи для детей. Её добрые, с мягким юмором стихи ребята с удовольствием слушают в школах, где она проводит встречи, в детской библиотеке.

Татьяна Овчинникова занимается выявлением талантливой молодёжи, привлекая её к поэтическому миру. Заслуживают внимания стихи Анатолия Ковтуна, Нины Исаковой, Натальи Малицкой, стихи и песни Л. Бондарь и Л. Койновой. А какой добротой веет от произведений старейшего члена литобъединения Ивана Максимца. Не оставляют никого равнодушными афоризмы Ивана Киланова, полные боли стихи Леонида Каплана и многих других...

Обо всех членах музыкально-поэтического объединения им. Светланы Шевцовой «Звуки лиры» можно много и подробно писать, потому что каждый человек уникален сам по себе. Взять хотя бы нашего художника Владимира Савина, чьи картины украшают все три альманаха «Звуков лиры». Он ещё и самобытный поэт, со своим видением мира.

Приходят в литобъединение и новые люди, пробующие выразить свои чувства поэтическим словом, приобщиться к высокой Поэзии. Всем отпущена своя мера таланта. Кто-то лучше владеет поэтическим словом, кто-то меньше, но всех объединяет одно: любовь к Слову, неравнодушие, искренность, бескорыстие и верность дружбе, без которых не было бы ничего.

Нина ИСАКОВА

Белое раздолье

Над скамьей берёзы ветку
Лёгкий иней серебрит.
Накрахмаленной салфеткой
Задремавший пенёк накрыт.

Запах свежести морозной
Остротой волнует грудь.
Так в любви бывает поздней:
Счастье хлынет – не вздохнуть!

Озорным, весёлым жестом
Снег подхватишь на ладонь
И – к губам!
Совсем как в детстве!
Обожжёт уста огонь.

Ах ты, белое раздолье!
Море света! Чистоты!
И покажется неволью,
Что лет десять сбросил ты!

Улыбнёшься вдруг
проходим –
Дух не в силах укротить.
Что ж, зима умеет тоже
Счастьем светлым одарить.

* * *

Затуманилась даль,
веет холодом
От лениво скользящей реки.
Это осень,
просыпавшись золотом,
Всё сильнее сжимает виски.

Расступитесь пред ней,
братцы-месяцы –
Вам характер её не сломить:
Всё бы ей наиграться,
натешиться,
Чудесами весь мир удивить.

За труды не запросит
и доллара.
Час придёт –
пыль уймёт в кураже,
Изнеможет в дождях.
Крики воронов
Лишь тоской отзовутся в душе.

Людмила БОНДАРЬ

Фея-Осень

Налилась янтарём облепила.
Старый тополь
под ветром раздет.
Пробежала полёвка-трусиха
Из-под стога
на солнечный свет.

Пауки на извилистых лапах
Охраняют с алмазами трон.
Многотравья дурманящий
запах
И рассерженный вяз у окон.

Спорит он с убегающим летом,
Несогласный со сменой времён.
Видно, холодом сердце задето –
Повстречался со старостью он.

Фея-Осень, художник заветный,
Потрудилась над каждым
кустом,
Постелила ковёр разноцветный
И тихонько стучится в наш дом.

Светлана КОРОЛЁВА

* * *

«...И дольше века длится день.»

Мгновенье длится, словно век,
И век сжимается в мгновенье...
Не ценит время человек,
Транжирует миг без сожаленья.

А жизнь лишь миг,
короткий миг,
Кирпичик малый в мирозданье.
Откуда этот миг возник,
Войдя негаданно в сознание?..

В одно мгновенье рухнул мир,
Пронзила боль,
как вспышка молний,
Как будто зверь свой зев открыл,
Вгрызаясь в жертвы плоть
невольно.

Всё закружилось в тот же миг,
Жизнь пронеслась
калейдоскопом.
Внезапно в сердце страх проник
Всепоглощающим потоком...
Застыло время как-то вдруг,
Миг растянулся долгим веком.

Замкнулся всех сомнений круг,
Бедой повис над человеком...

А за окном колдует май.
Цветёт сирень, пьяня все чувства.
А жизнь идёт... Не принимай
Смирненно дружеских
сочувствий.

За каждый вздох, как зверь,
дерись,
Дерись за каждое мгновенье!..
Восторжествует снова жизнь,
И канут в Лету все сомненья...

Наталья МАЛИЦКАЯ

Совершенство

*Художники,
не бойтесь совершенства!
Вам его всё равно не достичь.*
Сальвадор Дали.

Люди от Творца отходят
в детстве,
После начинают догонять...
Творчество –
есть жажда совершенства,
И точней, наверно, не сказать.

Истина и горькое веселье
В тех словах, что сказаны давно:
Все творцы идут
к заветной цели,
Но достичь её им не дано.

Сколько на пути уже сломалось
Копий, перьев, ручек и кистей!
Сколько здесь
прекрасного рождалось,
А дорога к Богу –
лишь длинней...

Но ведь человек – подобье Бога,
Искорка ему не зря дана!
То, чего творцы достичь
не могут,
Женщина обычная смогла.

Вот оно – замрите
в восхищенье!
Дальше, право, некуда идти.
Самое прекрасное творенье,
Просто совершенство во плоти.
Я достигла высшего блаженства
Через боль, и тяжкий труд,
и страх...
Маленький комочек
совершенства
Засыпает на моих руках.

«Бородинское поле»

Николай ЧАЙКА,
Московская область

Кавычки поставлены не случайно: под таким названием 17-19 сентября 2009 года прошел 2-й Всероссийский фестиваль авторской песни в деревне Бородино под Москвой (организатором фестиваля, инициатором его проведения, его душой является замечательный поэт, автор-исполнитель из города Можайск Николай Исаев). «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», вот именно – там, где Кутузов громил французов, там, где М.Ю. Лермонтов черпал своё вдохновение. Там, где последний император всея Руси Николай II в 1912 году к 100-летию сражения на Бородинском поле установил 33 монумента воинским частям и соединениям, отличившимся в великой битве. Особыми памятниками были отмечены командные пункты Кутузова и Наполеона. «Доблесть родителей – наследие детей...» – эти слова, начертанные золотом на двух памятниках Бородинского поля, посвященных артиллеристам, заставляют вспомнить о наших героях-предках, защищавших Отечество в генеральном сражении с наполеоновской армией в день 26 августа 1812 года. Авторами памятников были как архитекторы-профессионалы, так и военные инженеры,

офицеры русской армии начала XX века. Изготавливались они из различных материалов – гранита и мрамора, белого камня и песчаника, бронзы и чугуна. Монументы разнообразны по своим формам – от гранитных глыб до классических колонн и часовен. Их венчают православные кресты, орлы, императорские короны. Монументы стоят на тех местах, где в достопамятный день сражения отличились тот или иной полк, дивизия или корпус. Надписи на памятниках содержат подробную информацию о потерях, понесенных в день битвы, о выбывших из строя офицерах и генералах. На некоторых из них воспроизведены всем известные строки из лермонтовского стихотворения «Бородино» или надписи героико-патриотического характера, как, например, на памятнике 3-й пехотной дивизии генерала П.П. Коновницына: «Слава погибшим за Русь православную!». В 1970-1980 годы к этим юбилейным монументам добавились памятные знаки, посвященные Московскому и Смоленскому ополчениям 1812 года, кавалеристам корпуса генерала Ф.П. Уварова и казакам атамана М.И. Платова. Памятники на священной земле Бородинского поля – это своеобразная летопись, история самого сражения, запечатленная в камне и бронзе. Торжественная надпись-посвящение «Благодарная Россия – своим защитникам» на величественном монументе у стен Спасо-Бородинского монастыря объясняет суть и значение всего мемориала, сложившегося благодаря усилиям и стараниям нескольких поколений россиян.

(Посмотрим на финансовые телодвижения нынешних управителей России в 2012 году – в год 200-летия великой битвы за Русь православную...

«Благодарная Россия...» – ах! Где ты? Соответствуем ли мы тем, славным поколениям россиян? Есть у меня сомнения на этот счёт, но не будем о грустном.)

В октябре 1942 года на Бородинском поле разгорелись ожесточённые бои с немецко-фашистскими захватчиками, которые рвались к Москве. В течение шести суток воины 5-й армии сдерживали противника на этом рубеже. 8 января 1942 года Бородинское поле было освобождено от гитлеровцев.

...Три дня и две ночи фестиваля авторской песни «Бородинское поле» пролетели для его участников и гостей как одно прекрасное мгновение. По ночам уже было холодно, но русские знают, как греться. Костёр, палатки, импровизированный стол, импровизированная, но добротнo сработанная сцена со всеми современными звукоусилительными устройствами (но это уже для заключительного концерта). А до раздачи наград, призов и праздничного оригинального фейерверка (никакой

Рисунок В. Шутого

китайщины – долбленные собственными руками брёвна, умело сработанная тяга, и... Древняя Русь!) – до этих торжественных до слёз мгновений гитара шла по кругу, не замолкая ни на минуту. Впрочем, у каждого участника – своя гитара (это святое), свои песни, свои стихи, свой голос.

В заключительном слове, закрывая фестиваль, замечательный русский советский актёр, поэт и исполнитель собственных песен Михаил Ножкин сказал примерно так: «Надоела попса. Достала! Какое счастье – слышать живое русское слово!».

Остаётся добавить, что я получил из рук М. Ножкина (почти каламбур с замысловатой метафорой) диплом. Г. Богданов, как всегда, прав: Н.Чайка от скромности не умрёт – у него несколько иная финишная перспектива. Впрочем, справедливости ради признаюсь, что дипломантами стала добрая половина участников фестиваля. И это хорошо: значит, есть ещё перспектива творческого роста – лауреатом стать нелегко. Будем работать.

Пользуясь случаем, от имени организаторов этого конкурса приглашаю дорогих земляков, приморских авторов-исполнителей (не люблю слово «бард») на 3-й Всероссийский фестиваль авторской песни «Бородинское поле», который состоится в сентябре 2010 года. Информация для заинтересованных лиц – в Интернете.

В заключение позвольте представить вам одну из песен, которая была показана мною в конкурсной программе.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ – 1812

Будет крестный ход – мы помолимся,
Будет смертный бой – мы поспоримся.
Раззудись, плечо добра молодца! –
Нам орать ещё в поле, осень ведь.
В красной горнице ждёт зазнобушка,
Слёзы горькие льёт соловушка.

Припев:

Бородино, Бородино!
Дорог немало пройдено,
Но я в пути останавлиюсь
И в пояс павшим поклонюсь.

С мёдом испечёт, знаю, матушка
Ситный каравай да оладушки.
А потом споёт колыбельную
Нам, порубленным, нам, расстрелянным.
Как за веру, за царя-батюшку
Полегли, за Русь – баю-баюшки!

Припев.

Гой ты еси, Русь православная!
С лютым ворогом, с катом справимся.
Голосит земля под курганами –
Пусть горит земля под ногами их!
Салютуй, Москва златоглавая,
Сыновьям своим!
Свята слава им!
Свята слава им!
Свята слава им!

Припев.

У подножия Парнаса

Олег МАТВЕЕВ,
г. Владивосток

* * *

Кто скажет мне нынче –
Где дичь, где охотник?
Кто след мой сонаром
Тропит в глубине?
Не дремлет ли сладко
Никола Угодник
У райских ворот,
Позабыв обо мне?
Конечно, поверишь
И в Бога, и в черта,
И в светлое царство,
И в адову тьму,
Когда, промахнувшись,
Промчится вдоль борта
Чужая торпеда,
Уйдя за корму.
И каждую жилкой
Дрожишь, как в ознобе,
Не в силах сдержаться –
Во, как затрясло!
И к дизелю жмешься
В промасленной робе,
Шепча, как живому,
Ему: «Пронесло...».

* * *

Полярному капитану В.И. Абоносимову

Мой капитан! О чем нам сожалеть?
Что многое уже нам не успеть?
Что сделано, все кажется, так мало?
Что смотримся порою чуть устало?
Что ж! Прошлое – оно навеки с нами
Делами, фото старыми, стихами
И встречами, порой до поздней ночи,
С друзьями дорогими и не очень.
И с нами остаются «до упора»
Полярные безмолвные просторы,
Суровый, но по-своему красивый
Тяжелый лед Айонского массива.
...Ах, Боже мой!
Сейчас бы вновь на мостик –
Пусть даже приглашенным просто
в гости
«Проветриться»
в арктическом просторе!
Туда, где жизнь прошла вся –
в море! В море!
Пусть на лице растает снег летящий,
Дорожкой по лицу скользя
блестящей –
Ну что вы! Что вы – разве это слезы?
Проделки незаметные мороза.
...Упал закатный луч в окно квартиры,
Где капитан мой, отрешась от мира,
Был в мыслях вновь в проводке
каравана
Сквозь перемычку льда до Магадана.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА, ИЛИ НЕРАВНОДУШНЫЕ ЗАПИСКИ ПОСТОРОННЕГО

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Время летит быстро, и вот уже стукнуло Приморскому отделению Союза писателей России 60 лет. Событие без всяких оговорок значимое и для творцов слова, и для тех, кто нуждается в этом слове. Читатели! Именно в качестве читателя вашему покорному слуге довелось побывать на собрании наших уважаемых литераторов. Признаюсь, ожидал от юбилея большего, на деле же получилось серенько и скучненько. Даже словесная перебранка А.А. Ткачука, председателя местного Союза писателей, с оппонентами, которые, кстати, несколько лет назад поддержали своего коллегу по литературному цеху и официально учредили писательскую организацию города Владивостока, не явилась чем-то из ряда вон выходящим событием в богатой истории организации. Обмен уколами под негласным лозунгом «Что ты сделал для Союза писателей?» закончился ничем: пар вышел, обиды и вопросы остались...

Пришедшие на юбилей листали книги, расставленные на стеллажах, рассматривали цветные фотопортреты членов Союза, теснившиеся на широкой торцевой стене, куда непроизвольно упирается взгляд. На снимках лица свежие, в зале – те же лица, но уже с отпечатком прожитых лет. Главной фигурой настенного иконостаса является великий русский поэт А.С. Пушкин, весело смотрящий на великовозрастное изобилие пишущих, мало пишущих и уже не пишущих акул литературного пера Приморского края... Забегая вперёд, процитирую слова москвича Геннадия Иванова, заместителя председателя Союза писателей РФ, сказанные по ходу собрания: «...смотрю, что ваша организация не совсем молодая. Тут надо... провести какую-то политику молодёжную».

АУ, МОЛОДЁЖЫ!

Помнится, несколько лет назад, кажется, в канун выборов, пустили в здание писательского Союза молодых людей, раздающих при входе листовки. Шум, гам, пивная суэта... Писатели, конечно, с вопросом: что за вакханалия? Крепенький, бойкий, коротко остриженный студентик популярно разъяснил: «Агитируем за нужную кандидатуру». «А вы-то кто?» – спросили юношу. Тот ответил без запинки: «Мы – "Молодая гвардия"!» Кто-то из аксакалов писательского цеха возьми да спроси: «Автора романа "Молодая гвардия" знаете?» Тут-то юный агитатор словно в рот воды набрал, молчал, как партизан на допросе. Откуда ему знать, что Александр Фадеев, музей которого бережно охраняют чугуевцы уже много-много лет (директор Л.В. Бадюк), написал книгу о героях-краснодонцах, создавших боевую организацию «Молодая гвардия». Они вели непримиримую войну с гитлеровцами, пришедши-

ми на их родную землю жечь, грабить, убивать. И никакая пропаганда не вычеркнет из биографии писателя А. Фадеева его литературный талант и патриотическую основу произведений. Если современные «молодогвардейцы» не знают писателя, известного далеко за пределами России и переведённого в нескольких странах Европы, то о какой достойной литературной преемственности поколений может идти речь?! «Забыть» сюжет «Молодой гвардии» можно (дело происходило в Краснодаре, теперь это ближнее зарубежье), но как быть с «Последним из Удэге» и «Разгромом»? Боевые действия разворачиваются в нашей, дальневосточной тайге, а сам А. Фадеев – непосредственный участник тех событий гражданской войны. Вести разговор на эту тему с новыми так называемыми «молодогвардейцами» необходимо. И кому как не писателям вовлекать их в этот разговор.

Отчего такое невежество? Ответ не пришлось искать на краю света, он пришёл на ум сам собой, как только члены правления заговорили о трудностях (в основном финансовых), преследующих мастеров изящной словесности на протяжении десятилетий. Московский гость (преимущественно говорил на собрании он) метко подметил: «В России приморские писатели двадцать лет без копейки...» Ну прямо не в бровь, а в глаз!.. В поисках пресловутой «копейки» писатели забыли (может, не знали вовсе), что есть у творческой организации своя неповторимая история. А добрых традиций хватит для примера нескольким поколениям пишущей приморской братии. За всем этим богатым историческим багажом – люди, в большинстве своём преданные забвению современниками, которые сегодня, какая жалость, «...двадцать лет без копейки». А тех, кто стоял у истоков, просто-напросто выбросили из памяти, как ненужный хлам из жилого дома. Была же когда-то писательская организация энергичной и боевой! Имела на обширном российском пространстве свой неповторимый литературный голос. К сожалению, ни одного из своих предшественников не вспомнили коллеги в день юбилея.

Сложилось впечатление, что нет здесь больше преемственности поколений, нет традиций. Никто опыт не передаёт, секретами творчества не делится. Вот и получилось, что вся история уместилась на лобовой стене с портретами членов писательского Союза. И больше ничего, что напоминало бы о былых десятилетиях творческой организации. Где же сплав опыта и молодости?..

Даже при беглом обращении к далёким застойным 1970-м годам память ясно рисует незабываемые картины, когда с нами, 18-20-летними студентами разных вузов Владивостока, терпеливо возился Лев Николаевич Князев. Он вёл занятия литературного объединения «Слово» (прозаики и фантасты). Отчётливо помню, как обсуждали

неуклюжую строчку одного новичка, который написал: «Пётр повесил свою голову на плечо и долго её не снимал». Конечно, посмеялись (по-доброму) над неловким предложением. Лев Николаевич сказал: «Старина, попробуй сам...». Тогда слово «старина» в среде пишущих обозначало то же самое, что «свой, близкий по духу человек». И возраст здесь не играл ни малейшей роли.

Помнится и то, как проходили занятия литературного объединения «Творчество» («ЛОТ»), где собирались будущие поэты. Именно в тот период стали известны имена В. Протасова, В. Тыцких, А. Радужкевича, Ю. Кабанкова, А. Лобычева, А. Хвалина, других начинающих поэтов, прозаиков, критиков.

Широко освещался в прессе поэтический фестиваль братских республик, успешно прошедший в Приморской столице в конце 80-х годов прошлого столетия. Хорошо помню личное участие в другом творческом форуме – VII семинаре молодых литераторов Приморского края. Рукописи начинающих обсуждались писателями Ю. Кашуком, В. Щербановским, А. Пожидаевым, С. Балабиным, другими, известными тогда, в 1997 году, приморскими писателями. Участники семинара, получившие положительные отзывы, имели возможность печататься на литературной странице «Тихоокеанского комсомольца». Даже в краевой партийной прессе («Красное знамя») периодически появлялись стихи талантливых авторов, не говоря уже о районных газетах и студенческих многотиражках.

В 1989 году краевой комитет ВЛКСМ и Союз писателей направили в Москву на IX Всесоюзное совещание тех, кто выдержал конкурс и мог достойно представлять Приморье на этом престижном литературном форуме. В число счастливиц попал Иван Шепета и ваш покорный слуга – в качестве журналиста и так называемого «вольноталанта», коих насчитывалось более 300 человек. Несмотря на ряд организационных неурядиц, таких, как горы непрочитанных рукописей, отдельных книг, сваленных в холле помещения Союза писателей СССР, память вычленила только хорошее! Живое общение, обмен опытом, творческие задумки, договорённость о переписке, помощь в продвижении литературных произведений в «толстых» журналах и центральных издательствах – вот главная суть совещания.

Спустя двадцать лет некоторые события тех пяти дней (столько длился литфорум) кажутся смешными и наивными. Особенно топанье ногами, дружные аплодисменты на отдельные выкрики участников: «Долой Союз писателей!» и попытка низвергнуть с пьедестала членов президиума заключительного собрания: секретаря правления Союза писателей СССР Константина Скворцова, Героя Советского Союза, фронтовика, прозаика Владимира Карпова, поэта Егора Исаева. А собралось в актовом зале гостиницы «Орлёнок» более 600 человек! И это несмотря на то, что именно «литературные генералы и полковники», как их величали семинаристы, выдали 49 человекам членские писательские билеты, послали 40 слушателей на Высшие литературные курсы при Литинституте, назначили 20 годовых стипендий в размере 100 рублей ежемесячно, более 15 рукописей рекомендовали на Всесоюзный конкурс имени Николая Островского. Многие получили положительные отзывы известных писателей, что являлось проходным баллом и позволяло выпускать свои книги в

местных издательствах. Последнее, правда, большей частью выполнено не было. На местах госиздаты просто-напросто приказали долго жить, а коммерциализация литпроцесса наметилась лишь лёгким штришком – законом о выпуске книг за счёт авторов...

О «КВАРТИРНОМ» ВОПРОСЕ, ГОССОБСТВЕННОСТИ И МЕДАЛЬНОМ ЗВОНЕ...

С развалом Советского Союза, казалось бы, стало проще простого объединиться российским писателям в единую и неделимую организацию. В небольшом доме легче навести порядок, нежели в огромном. Тем более, появился определённый опыт, отработаны новые подходы в деле организации творческих союзов. Однако воз и ныне там. Уроки, как показывает время, в прок не идут. Расколы, размежевания, нежелание сближаться, близорукость руководителей разных «карманных» союзов тормозят общее литературное дело. Идёт открытый делёж недвижимости, когда-то возводимой советским народом. И вся эта околотитературная суэта затмевает собой главное – ПИСАТЕЛЬСТВО. Поэтому, вероятно, и произведения наших «классиков» скучны, однообразны, вторичны. Об этом эзоповым языком сказал владивостокский писатель Владимир Вещунов: «... в данный момент мы находимся в положении писателя, который дописался до того, что у него слиплись глаза. Он голову опрокинул, смотрит: «Вчера был четверг, завтра будет пятница, а что же сегодня?» ... мы выпали из времени, а нам надо, как писателям, идти в ногу со временем». Тут целиком и полностью стоит согласиться с одним из ветеранов местного Союзписала..

Зато премии и награды, что присваивают друг другу современные «классики», не обходятся без имён великих: Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, ни много ни мало... Например, председатель Владивостокской писательской организации в честь 60-летия Приморского отделения Союза награждён золотой медалью Валентина Пикуля. Чего же гуманного, доброго и нетленного сочинил сей руководитель? Говорят, забойный детектив... Тогда при чём здесь Валентин Саввич, оставивший о себе память героическими произведениями о Великой Отечественной войне и историко-приключенческими романами? Детектив тоже литература, но другого, помельче пошиба. Кстати, детектив детективу рознь... В данном же случае напрашивается медаль незабвенного советского сыщика Анишкина...

Забыли наши творцы слова, что на Дальнем Востоке ставили литпроцесс и продвигали его своим талантом В.К. Арсеньев, А.А. Фадеев, С.У. Басаргин, А.Н. Плетнёв, А.И. Щетинина и многие другие. Почему же не называют медали и премии их именами? Хотя, извините, на собрании приморских писателей наконец-то вопрос о премиях был поднят, но с большими оговорками. Во-первых, премия должна быть одна – имени Арсеньева. Во-вторых, за Щетинину не проголосовали, объяснив это тем, что легендарная женщина-капитан принадлежит морскому ведомству (словно в Союз писателей её принимали на луне)... Кандидатура Фадеева как-то сама собой отпала. Кто-то сказал, что такая премия уже есть. Где и кому вручалась, осталось загадкой?!. Потомки совсем забыли: когда Александр Александрович возглавлял Союз писателей СССР, он не забывал о Приморье, где прошла его боевая

юность... Известно ли товарищам имя Павла Алексеви-ча Сычёва, родившегося и выросшего во Владивостоке. Его повести «У Тихого океана», «Океан шумит» и «Великий тайфун» (последний вышел в 1966 году в Москве тиражом 100 тыс. экземпляров) уже своими названиями «выдают» принадлежность автора к нашему морскому краю. Остановились на премии имени В.К. Арсеньева, несмотря на то, что уже существует краеведческая премия имени известного путешественника и исследователя земли дальневосточной. Её обладателем является один местный поэт – за владивостокские стихи. Интересно, когда композитор Юрий Антонов написал песню про «...переулочки Арбата», известную в прошлом столетии каждому советскому гражданину, ему вручалась какая-либо премия от краеведческой организации Садового кольца?..

Но местный поэт пошёл дальше, наградив себя золотой Есенинской медалью. Да, так вот взял и наградил!.. Ларчик же открывается просто: через Интернет сегодня можно заказать любую награду, заплатив за неё энную сумму в денежном эквиваленте. Мы на литературной студии «Паруса» этот вопрос обсуждали и сошлись в одном: заказывать медали (имени великих) не будем. Данный подход противоречит нашим моральным принципам. Можно пройти с шапкой по кругу, собрать тысяч несколько, заплатить нумизматам – и торжественно вручить липу своим товарищам по литстудии, редакционному совету дальневосточного альманаха «Сихотэ-Алинь», редколлегии ежемесячника «Литературный меридиан», участникам издательской программы «Народная книга», да только стоит ли так мельчить?.. Кстати, в местном Союзе о нас знают, но упорно не желают признавать своими, наоборот, бьют под дых вдохновителя всех перечисленных программ Владимира Тыцких в газете «Российский писатель»...

Да что там награды! Не ради них, надеюсь, работают настоящие творцы русского слова. Что мешает писать, как дышать? Причину, в числе многих, озвучил Г. Иванов: «...У власти нет проблем, чтобы нам помочь. Но, к сожалению... писатели не умеют заниматься имуществом, начались нарушения. Вы, может быть, в курсе, какие идут суды по литературному фонду...» Союз писателей, существующий в краю далёком, но нашском, увы, тоже не является исключением из правил...

Ещё В.И. Ульянов (Ленин) в прошлом веке изрёк мысль о том, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Видимо, в период размышлений о свободе писатели в едином порыве создали альтернативную творческую организацию – Союз писателей Владивостока. Якобы так легче закрывать финансовые прорехи. По такой же схеме можно создавать и другие союзы, например краевого, районного, дворового, уличного, подъездного масштабов... И сколько уже таких «Рогов и копыт» по стране?..

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА.

АГЕНТСТВО ПО НЕДВИЖИМОСТИ

Юбилейное собрание длилось почти два часа. Писателей ожидал торжественный вечер с чествованием лучших из лучших и банкет в кафе, на который члены СП сбрасывались по принципу «кто сколько может». Многие

выходящие из помещения недоумевали: их позвали на праздник и предложили оплатить расходы. Каково?!

Под разговоры выходящих на свежий воздух членов Союзписа обернулся, непроизвольно оглядел парадный вход. В глаза бросилась жёлтого цвета вывеска с аршинными буквами на ней: «Союз писателей России...», ниже – адвокатская контора, правее – агентство по недвижимости. Поразительно, как удачно удалось под одной крышей разместить столько всяких мало похожих друг на друга контор. Стало грустно от мысли, что потерял Союз писателей за последние годы авторитет и своё былое величие. Как-то само собой вспомнилось стихотворение Николая Некрасова «Размышление у парадного подъезда», в котором есть строки саркастического свойства: «*Ты уснёшь, окружён попечением/ Дорогой и любимой семьи/ Ждущей смерти твоей с нетерпением*». Похоже, мало кто удивится, когда с вывески вдруг вообще исчезнет такое привычное и близкое каждому творческому человеку словосочетание «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ». И вспомнит ли кто-нибудь о вас, уважаемые акулы литературного пера через энное количество десятилетий, ну, скажем, на одном из юбилеев творческой (пока ещё) организации?

Уж сколько раз твердили миру, что без прошлого нет настоящего. Похоже, напрочь забыли творцы изящной словесности эту прописную истину, доказанную временем, за что и наказаны сегодня кризисом не столько экономическим, сколько духовным, рождающим разброд и шатания в некогда сплочённом СП.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Этих записок могло не быть вовсе, но они увидели свет. Причина ясна, как божий день – жалостливая статья в газете «Российский писатель» (№ 13-14, 2009 г.) за подписью Александра Ткачука. В ней – шквал обвинений в адрес одного-единственного человека – Владимира Тыцких, который давно уже не политработник, не секретарь правления СП Приморья, не собственный корреспондент «Литературной России» и проч. Кто же этот «злой гений», что в одиночку «развалил... писательскую организацию»? Он является автором более 30 книг поэзии, прозы, публицистики, редактором альманаха «Сихотэ-Алинь», неизменным руководителем литстудии «Паруса» и народной издательской программой, лауреатом Международной премии Общества пушкинистов (Нью-Йорк) и ряда Всероссийских премий, обладателем других наград разного достоинства. И всё же главным остаётся то, что В. Тыцких является неизменным руководителем ШЕСТИ автопробегов, ежегодно проводимых на Дальнем Востоке в Дни славянской письменности и культуры (в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия). И не просто руководитель, а непосредственный участник. Сидя за баранкой собственного старенького автомобиля, он объехал практически все глухие уголки нашего края с одной гуманной целью – сохранения русских литературных традиций, возрождения культуры и Православия.

Так что думайте сами, господа-товарищи писатели...

Сергей ЮДИНЦЕВ.

Рукопись, найденная в Сибири

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск

/Отрывок из фантастического рассказа/

1.

Я возвращался из Нижнеудинска в Старые Шалаши. От уездного городка до нашей потонувшей в лесах деревеньки о семи избах расстояние примерно как от Кракова до Торнува – за день даже верховому не обернуться, так что пришлось мне провести ночь в заезжем дворе.

Зато книгами я навьючился, как дромадер. Нет, не брошюрянтиной, что вы. После пяти лет каторги я решил оставить политику.

В мире уже воцарился сентябрь, и погода была не летняя. Я ехал шагом, вдыхая ледяной сибирский воздух, чистый и сладкий, как рябиновая наливка из погреба.

Парадоксальна жизнь человека!.. Вроде попал я сюда за великую любовь к Польше. Но когда я раскидывал листовки и стрелял в жандармов – большей частью неудачно – именно тогда я путал бук с грабом и не отличал Болеслава Храброго от Болеслава Смелого.

Потом, на каторге, я жаждал только свободы. Скинуть с ног постыльные цепи, сбросить проплетевшую робу и – на волю! Быть свободным, хоть где, хоть как...

Когда после каторги меня сослали в Старые Шалаши, я был счастлив. Высокорослые корабельные сосны в полтора обхвата. Луч солнца, сверкающий в потёках смолы. Сорочья трескотня и перекличка белок вверху. Смутная опасность встречи с хищнокогистой рысью, с неожиданно-ловким лесным хозяином – без эдакой опаски лес разве лес?... Огромные дымчатые валуны с прожилками серо-розовой, как соль на полежавшем сальце, гранитной породы. Жемчужно-пепельные замшево-мягкие лишайники на валунах – признак кристальной чистоты воздуха.

К тому же здесь, в Старых Шалашах, я встретил единоверца.

Пан Генрик... На голову ниже меня, но мускулистый, как цирковой атлет, пан Генрик мало походил на человека, разменявшего шестой десяток. Незаметно седеющий золотистый блондин, он носил усы и короткую бороду на стародавний манер. Был он из тех, кому идёт борода. Впрочем, ему шло всё. И лишь глаза – хищные, золотисто-азартные, волчьи – выдавали крутейший нрав потомственного деспота.

На первый взгляд, пан Генрик встретил меня радушно. Хозяин он был зажиточный. Средства добывал охотой, золото мыл, да и жена из Торуня присылала. Писать они друг другу не писали. Пан Генрик глубоко презирал курицу-жену и единственного сына, коротавшего век в доме умалишенных. В рождении сына-безумца пан Генрик винил то жену, то слепую игру случая. Но я заподозрил, что дело в нём. Иногда мой земляк воплощал в себе идеал учтвого, оживлённого, всезнающего шляхтича, волею судьбы заброшенного в медвежий угол. Но чаще им владела боевая, задорная, неподконтрольная разуму злость. Тогда пан Генрик дерзостно честил человечество вообще, русских в частности и моего незаконного тестя в особенности. С людьми пан Генрик почти не общался. Он либо сутками пропадал в тайге, либо с головою закапывался в книги. Читал он, как правило, исторические труды, а для отдыха – приключенческие романы.

Возможно, эта дерзость воина, беспощадного к себе и к другим, это рабовладельчески-ледяное презрение к людям и помощи поручику Генрику Стрекаловскому выстоять в 1863 году, когда его гнали сквозь строй шпицрутенгов, и потом, когда он десять лет таскал кандалы от тюрьмы до алебастрового карьера.

Я всё понимал, но без конца поддакивать тоже не мог. А без общения с односельчанами (русичами! истонными врагами!) я бы просто не выжил.

2.

– Адам! – прозвенел вдруг в сторожке сентябрьской тиши рыдающий девичий голос.

По желтохвойному осеннему ковру ко мне, подобрав холщовый подол, бежала Алёна. Поверх зелёного прямого сарафана на ней была белая, как иней, кофта козьего пуха. Этот наряд очень шёл к её стриженной в скобку тёмно-рыжей гриве. Дочь ссыльного петербуржца-народника, Алёна коротко стриглась, да ещё и курила. Местные парни её боялись. А я вот не испугался.

Я соскочил с коня и заключил её в объятия, ощутив под пальцами хрупкое, худощавое женское тело. Как странно!.. Там, в Польше, у меня бывали женщины, но отношения с ними я воспринимал как увлекательную игру. А к этой курящей рыжеволосой нигилистке, на зависть промышляющей белою, я неожиданно прикипел как к единственной, как к подруге всей жизни. Потому что она приняла меня, крамольника-иноверца, таким как есть? Или потому, что здесь, в лесу, где надо охотиться, рубить дрова и печь хлеб, мужчина есть воистину мужчина, а женщина – воистину женщина? Или же я, наконец, созрел для мирного семейного бытия?

– Адам, ты слушаешь или нет? – трясла меня за плечи Алёна.

– Да, да, – очнулся я. – Что случилось?

– Генрик твой... Отцу руку прострелил!.. Правую!..

Я был ошеломлён в первичном, старинном смысле этого слова. Будто мне дали по темени бердышом. Невидимый шелом смягчил удар, но перед глазами всё плыло.

– Как отец теперь операции делать будет? – зло всхлипывала Алёна, торопливо затягиваясь самокруткой. – При свечах резал... Без наркоза резал... Но без руки!..

– О Езус... Из-за чего?!..

– Да из-за тебя!..

– Что?! – теперь уже я так потрянул Алёну, что та едва устояла. И сторожким шепотком, глотая горькие слёзы и махорочный дым, поведала:

– Давеча приволокся хмельной к отцу и давай орать: он мне приёмный сын, отдай сына. Батя как отрубил: мне, дескать, тоже сын. Генрик пуще лается: москаль, сводник, дочь у тебя перестарок, с отчаяния ты за первого лопуха ухватился. Знал бы – не звал бы тебя зимой. Дал бы парню скончаться добрым католиком...

Зимой – это отдельная история. Пан Генрик закалялся дикарским способом – завернётся в волчье одеяло и спит до утра в снегу. Я тоже попробовал... один раз. Тут же слёг с чудовищным жаром. Гнойный плеврит. Гордей Гордеич, Алёнкин отец, еле вытащил меня с того света.

– Короче... Стреляться затеяли... Я не знала... Без свидетелей... И вот... в руку... Как ещё заживёт... Губить небось побоялся, гнида!.. Знает, что тогда по всем заборам размажут!..

– Где отец? – прервал я.

– В избе... лежит.

– Залазь на лошадь.

– А ты?

– Я пешком.

Ведя коня в поводу, я всё не мог осмыслить этот бред. Дуэль?! Что за колокольня в уксусе?! Как пан Генрик, офицер, мог себе позволить драться со штатским? В придачу он граф, а Колебанов заслужил дворянство при жизни, в Крымскую войну...

Поздравляем!

28 декабря 2009 г. известному хабаровскому литератору **Валерию Владимировичу Тряпше** исполнилось 70 лет. Поздравляем его с этим знаменательным событием и желаем здоровья, семейного благополучия и новых творческих достижений.

Редколлегия.

ПОДПИСКА— 2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

**3 месяца — 150 рублей,
6 месяцев — 250 рублей,
1 год — 450 рублей.**

**При оформлении годового
абонемента экономия от 50 до
150 рублей!**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся помесечно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

Книжная полка

**РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА»
ПРЕДЛАГАЕТ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ:**

КОСТЫЛЕВ Владимир. *Два кофейных зёрнышка.* Сборник коротких рассказов. Арсеньев, 2009 г., изд-во «Литературный меридиан», 120 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Свобода выбора.* Верлибры. Владивосток, изд-во «Народная книга», 2009 г., 92 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Вишнёвая косточка.* Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга», 2004 г., 168 страниц. Цена 80 рублей (с учетом пересылки – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Разговор на языке души* (переводы Эмили Дикинсон). Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга», 2004 г., 148 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Шестая стихия* (переводы Сайто Санэмори). Избранные хайку. Владивосток, изд-во «ORIENT», 2007 г., 84 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

Указанные суммы перечисляются почтовым переводом на имя главного редактора «Литературного меридиана» Костылева Владимира Александровича по адресу издания с обязательным указанием цели платежа.

**СРЕДСТВА, ВЫРУЧЕННЫЕ ОТ ПРОДАЖИ КНИГ,
ИСПОЛЬЗУЮТСЯ НА РАЗВИТИЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО
МЕРИДИАНА».**

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 декабря в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.